

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

К*Р*Е*М*Л*Ь 2222

север

Дмитрий Силлов

Дмитрий Олегович Силлов
Кремль 2222. Север
Серия «Кремль 2222»
Серия «Снайпер», книга 7

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3489465
Дмитрий Силлов. Кремль 2222. Север: Астрель-СПб; СПб; 2012
ISBN 978-5-271-43013-8, 978-5-9725-2284-2

Аннотация

Он – Снайпер. Он выбирает цель и поражает её. Но случилось так, что сила Снайпера превратилась в слабость. Враг отнял у него цель и смысл жизни.

Если у обычного человека отнять самое дорогое, его жизнь теряет смысл.

Но Снайпер – другое дело. У него теперь – другая цель. Мечь.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

107

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Север

Автор искренне благодарит замечательного писателя Александра Мазина за бесценные советы, полученные от него в процессе написания романа; редактора Петра Разуваева за самоотверженную работу над межавторским проектом «Кремль 2222»; администратора сайтов www.real-street-fighting.ru и www.sillov.ru Павла Мороза, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru Сергея «Ион» Калининцева и администратора литературного портала www.stalker-book.com Виталия Градова за помощь в интернет-продвижении проекта «Кремль 2222», а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

*Мое ремесло – возмездие, мой промысел – месть.
Фридрих Шиллер. Разбойники*

Почему нам так нравятся стервы?

Потому, что стервы красивые. А еще потому, что их непросто завоевать... и еще труднее удержать. Любить стерву – это вечный бой. Но если ты выиграешь и она полюбит тебя, то ты будешь счастливым человеком... некоторое время.

До следующей битвы...

Но сейчас я был действительно, по-настоящему счастлив. Ведь рядом со мной шла моя любимая стерва, ради меня прошедшая через пространство и время. Вот почему мужики, чья исчерченная шрамами шкура напоминает тактическую карту боевых действий, любят именно таких, с фигурами амазонок и глазами цвета чистого неба. Эти девушки – настоящие воины, способные свернуть горы ради своей цели. И как же приятно осознавать, что эта цель – ты... пусть даже на очень короткое время...

Мы шли среди мертвых руин разрушенного города, говоря о чем-то и смеясь без особой причины, как сотни и тысячи влюбленных в нашем мире, теперь уже потерянном для нас навсегда. Но сейчас это было неважно. Оказывается, иногда необходимо пробить границу времени и миров лишь для того, чтобы осознать, насколько дорог тебе любимый человек.

Сейчас здесь, в мире смерти, я впервые узнал, что такое счастье. Моя единственная на свете стервочка с лазурными глазами носила под сердцем моего ребенка. Она любила меня, а я любил ее. И что еще может быть нужно от жизни такому, как я, побитому жизнью волчаре, умеющему лишь одно – убивать искусно, хладнокровно и безжалостно? Разве только дом... Да даже не дом, черт с ним, сойдет и тот самый пресловутый шалаш, в котором я непременно построю для нас настоящий рай из старинной поговорки...

– У меня есть для тебя подарок, – сказал я, расстегивая

клапан камуфляжа на груди.

Она улыбнулась. Черт возьми, как я мог уйти так далеко от этой улыбки?

А дальше я даже не понял, что произошло. Просто коротко звякнуло «Дочкино ожерелье», висящее у нее на шее. Звякнуло – и медленно, очень медленно распалось на отдельные бесцветные бусины, которые, соскользнув с нити, вдруг покатались по высокой груди моей жены... Я невольно протянул руку вперед, пытаясь их поймать, – и вдруг осознал, что в том месте, где разорвалась нить, прямо в межключичной ямке торчит короткое деревянное оперение арбалетного болта...

В ее глазах были растерянность и обида. Она не верила, что это – всё... И я не верил... а тем временем мозг, привыкший мгновенно переключаться в режим боя, уже выдавал информацию: «Ранение смертельное... пробиты трахея и пищевод, перебит позвоночник... ничем помочь нельзя... противник в развалинах слева... дампы...»

Это и вправду были они, жуткие порождения зараженной земли. Двести лет назад отгремела в этом мире Третья мировая война, а изуродованные радиацией злобные мутанты все еще жили в развалинах и подземельях разрушенной Москвы.

Но этим тварям жить оставалось недолго...

Мне казалось, что ярываюсь на части. Одна моя половина рвалась к медленно оседающему на землю телу – поддержать, осторожно уложить на раскрошенный асфальт, ска-

зять что-то, глядя в глаза, которые медленно затягивает пелена смерти. Но в это же время вторая половина меня, рациональная и холодная, как ствол автомата, уже успела передернуть затвор АК и уйти в перекат, спасаясь от возможной второй стрелы.

А потом я увидел их...

Пятеро дампов бежали ко мне, разворачиваясь в полукольцо. Вооружение стандартное – два копыа-длинномера, топор, шестопер и полуторный меч-«бастард» в руках у главного. Живые мумии, отравленные радиацией полутрупы, обмотанные грязными тряпками... Забравшие жизнь у той, кто была мне дороже жизни...

Я почувствовал, как горячая багровая волна поднимается от солнечного сплетения, затапливая мое сердце, горло, сознание... Я знал, что это такое. Страшное состояние, однажды наступающее любого воина... Многие рукопашники, испытав *это*, бросают спорт. Потому что, владея определенными навыками, можно в приступе боевого безумия запросто убить человека, а потом просто не вспомнить, как и что делал. Было *до*... и сразу наступило *после*... И вот у твоих ног лежит труп... Или несколько... А ты не помнишь ни черта и стоишь, тупо глядя на изломанные тобой куклы, только что бывшие живыми людьми.

Сейчас здесь не было людей. Да и я уже не был человеком... Но прежде, чем багровая волна накрыла меня с головой, я успел заметить на куче бетонных обломков фигуру с

арбалетом наперевес.

Я дал длинную очередь, уже не надеясь, что попаду. Потом бросил бесполезный автомат и выдернул из ножен два боевых ножа. В приступе боевого безумия можно только бить, рубить и рвать врагов зубами. Все остальное – от человека. А человеком я уже не был...

* * *

Кровь колотилась в виски изнутри черепа. Тук-тук-тук... Так бывает, когда отлежишь уши, накрывшись с головой большой подушкой.

Тук-тук-тук...

Обязательно надо проснуться, потому что это мерное постукивание начинает раздражать. Просто открыть глаза, сбросить проклятую подушку, перевернуться на другой бок – и постараться забыть кошмарный сон, в котором я обрел и тут же потерял свое единственное счастье...

Тук-тук-тук...

Но почему отступающая завеса сна такая красная? Обратной стороне век, которую видит просыпающийся, положено быть черной. Или ярко-желтой, если солнце бьет прямо в лицо.

Тук... тук...

И тут я увидел... тень от своей руки... медленно поднимающейся и опускающейся вниз...

Тук...

Я почувствовал, как ребро моей ладони опустилось во что-то теплое и мягкое.

И вдруг увидел всё...

Развалины старого дома, поросшие темно-вишневой травой и увитые плющом того же цвета. Изуродованные куски плоти, разбросанные по этой траве. И свою руку с зажатым в ней ножом... Все вокруг было вишнево-красным, с редкими вкраплениями белых осколков костей и сероватых брызг мозгового вещества. А размеренное «тук-тук» было не пульсом в моих висках, а отзвуками ударов. Просто я, стоя на коленях, методично разносил голову мертвого дампа острым наконечником рукояти боевого ножа.

Значит, я убил их. Арбалетчик тоже был мертв. Не знаю, как я его убил – очередью из АК или ножом. Но пострадал он явно меньше, чем его товарищи. Почти целый, он валялся метрах в десяти от меня. Его заряженный тяжелый арбалет со стреленем на конце лежал рядом. Надо же, как быстро он научился его перезаряжать...

Это были лишние мысли. Так называемый внутренний диалог с самим собой, который не в силах остановить даже самое великое горе... Я медленно встал с колен, рефлекторно потрянул рукой, словно это могло помочь очистить ее от кровищи и костяной крошки, и поплелся к трупам моей жены.

Брехня это, что в таких случаях мужик бьется головой о стену и рыдает, словно баба. Может, кто и рыдает. А из меня

одним-единственным выстрелом дампы выбили все эмоции, которых и без того было не так уж и много. Сил тоже не было – их выпил приступ, в котором я убил всех дампов, не получив при этом ни царапины. Я слышал, что тренированный человек в таком состоянии способен двигаться очень быстро, слишком быстро для того, чтобы можно было осознать его движения и среагировать на них. И все-таки жаль, что дампы меня не убили... Хотя нет, хорошо, что я жив. Кто бы тогда вырыл могилу для нее?

Она смотрела в небо. Темное, хмурое и грязное, несравнимое с цветом ее глаз, даже после смерти не утративших своей лазурной чистоты.

Я вновь встал на колени и, приподняв ее голову, осторожно срезал окровавленным «Сталкером» наконечник арбалетного болта, запутавшегося в ее волосах. Оперенная смерть, выпущенная дампом, пробила шею насквозь, и иначе стрелу было не вытащить. Ничего. Я потом вылушу из наконечника остатки древка и вновь плотно насажу его обратно. Не страшно, что болт станет немного короче. Я вернусь и этим огрызком методично выковыряю глаза того арбалетчика. А потом буду медленно резать его на фрагменты. Плохо, что он умер быстро. И в то же время хорошо, что он лежал подальше, чем другие дампы и я просто не успел в приступе беспамятства до него добраться.

Но сначала надо было вырыть могилу. Жаль, что я не захватил с собой малую саперную лопатку, предпочтя на-

брать побольше патронов. Но зато боевых ножей у меня было два...

Я долбил землю, перемешанную с асфальтовой крошкой, равнодушно понимая, что очень скоро рухну рядом со своей мертвой женой от нереальной усталости – боевое безумие выпивает все силы почти мгновенно. Но мне было абсолютно все равно. Мне надо было выкопать могилу. Остальное – неважно.

В спрессованной от времени земле было полно всякой дряни. Небольшие обломки бетона я выворачивал из земли руками. Битый кирпич осложнял работу, но его было немного. А обломки древнего асфальта просто крошились под ударами «Сталкера». Боевой нож, подаренный мне умирающим собакоголовым, рассекал древний мусор словно куски пенопласта, правда, клинок скрипел при этом словно живое существо, недовольное таким варварским обращением. Но мне было все равно...

Я работал без остановки, словно запрограммированный автомат. Пару раз мне попались чьи-то пожелтевшие от времени кости и куски насквозь проржавевшего металла, когда-то бывшие стволами огнестрельного оружия. На этой земле много воевали. И часто умирали.

Кожа с моих ладоней сползла, словно промокшая бумага, ссадины саднили немилосердно. Но это была нужная боль, благодаря которой я пока еще от усталости не рухнул вниз, на дно могилы. Наконец, я счел, что она достаточно глубока

для того, чтобы местные твари не смогли ночью отрыть и сожрать тело. Тогда я сунул в чехол нож, измазанный грязью и кровью, и вылез наверх.

Я ничего не забрал у нее, хотя многие назвали бы меня безумцем. Как и положено воину, в могилу она легла вместе со всем ее снаряжением, включая автомат «ВАЛ», который здесь наверняка стоил целое состояние. Я не взял ничего, лишь собрал с земли бесцветные бусинки «Дочкиного ожерелья» и бережно сложил их в нагрудный карман комбинезона. На ближайшем привале я зашью их в кусок материи и повешу на шею. Пусть висят рядом с навсегда опустевшим сердцем...

Я засыпал могилу и привалил ее тяжелым куском бетона. Когда земля просядет, уже никто не догадается, что под вросшим в траву обломком лежит настоящее сокровище... Мое сокровище, утраченное навсегда...

Мне очень хотелось рухнуть на землю и провести рядом с моей женой нашу последнюю ночь. Но в то же время я осознавал, что тогда эта ночь станет последней и для меня тоже. А у меня еще было два дела. Сшить мешочек для бусин, а потом заняться трупом арбалетчика. Это были два очень важных дела, и никак нельзя допустить, чтобы какой-нибудь ночной охотник-мутант застал меня врасплох.

Арбалетчика я решил оставить на утро. Уже смеркалось, а такое серьезное дело, как неспешное потрошение трупа врага, лучше делать при утреннем свете. Потому я осмотрелся,

приметил невдалеке более-менее сохранившееся здание и, взвалив на плечи свой рюкзак, побрел туда...

По всей видимости, здание когда-то давно было детским садом типовой постройки. Левая часть его просто развалилась от времени, а правая устояла, правда при этом почти наполовину вросла в землю. Виднелись лишь забитые землей узкие черные проемы, некогда бывшие окнами первого этажа. Сейчас от них остались лишь прямоугольные дыры, напоминающие амбразуры дота. Зато второй этаж, ставший первым и единственным, сохранился довольно неплохо. Три чудом сохранившиеся стены обещали защиту с флангов и с тыла в случае внезапного нападения, а местами сохранившаяся крыша – укрытие от дождя, судя по тяжелым тучам, грозившего хлынуть с минуты на минуту.

Я чисто на автомате доплелся до ненадежного укрытия и, слегка пригнувшись, вошел прямо в окно, давным-давно утратившее и стекла, и раму.

Как и ожидалось, пол и перекрытия сгнили много лет назад. Вместо пола была всё та же земля, перемешанная с асфальтовой крошкой. Судя по кучкам засохшего дерьма, валявшимся по углам, этот обломок прошлого уже давно служил временным пристанищем для одиноких путников... Одиноких... Теперь это сто процентов про меня... Во время моих путешествий меня всегда потаенно грела мысль, что она ждет моего возвращения... Сейчас уже точно никто не ждет, кроме трупа дампа, которым я займусь поутру...

Я очень плохо помню, как привычными движениями развел костер, как грыз что-то, тупо пялясь в огонь... Как, вспомнив, что у меня есть неотложное дело, шил негнушимися пальцами мешочек для бусин из обрывка камуфляжа и парашютной стропы, позаимствованной на складе марки-тантов. Как, ссыпав в него драгоценную память об утраченной любви, зашил намертво и повесил на шею... Все это было словно в тумане и происходило не со мной. Тело совершало какие-то движения, а сознание пребывало в глубоком ступоре, лишь изредка просыпаясь – и вновь проваливаясь в пучину тупого равнодушия...

Вот и сейчас меня словно толкнуло что-то. Так камень, брошенный в середину мертвого озера, ненадолго тревожит черную гладь отравленной воды...

Снаружи шел дождь, и сквозь шум падающих капель я отчетливо расслышал чьи-то шаги. Ночной гость шел не скрываясь. Он был уверен в своей силе и, возможно, рассчитывал на легкую добычу.

Я же с удивлением обнаружил, что сижу правым боком к огню, возле меня расстелен кусок брезента, а на нем в образцовом порядке разложены детали автомата, из которого я стрелял по дампам. Понятно. Пока мое сознание пребывало в некоем подобии комы, руки рефлекторно чистили и смазывали АК...

Я криво усмехнулся. А нужно ли оно, то самое человеческое сознание, приделанное к огнестрельному оружию? И чем я

лучше серва Коляна, запрограммированного на обслуживание боевой машины? Только что трупами не питаюсь. Хотя, когда кончатся консервы, почему нет? Какая разница, какие белки жрать – из восстановленных консервов или свежие, натуральные?

Шаги приближались. Собрать автомат уже не было времени, а расчехлять СВД – желания. Суетиться не хотелось. Для чего? Чтобы выжить? А на хрена мне жить теперь? Но сдохнуть все-таки нужно правильно. Ведь она тоже умерла как воин, с оружием в руках...

Я достал оба ножа, краем глаза отметив, что у заляпанного землей и засохшей кровью «Сталкера» безнадежно завалена режущая кромка. Не боевой нож, а железяка с рукояткой из резинопластика. Удивительно, как «Сталкер» вообще не сломался, когда я со всей дури всаживал его в землю, кроша клинком бетонные и кирпичные обломки. Впрочем, «убитого» ножа хватит вполне, для того чтобы еще разок всадить его в чье-то сердце.

Синхронным движением кистей я повернул ножи в положение обратного хвата, прижав клинки к внутренней стороне предплечий. Незачем светить перед вероятным противником наличие оружия. В моей бетонной пещере лишь один вход, и врагу, перед тем как атаковать, хочешь не хочешь, а придется пусть на мгновение вступить в полосу света. Вполне достаточно для того, чтобы я успел метнуть один нож, прыгнуть и добить жертву вторым...

Он шагнул на свет из темноты и остановился. Моя рука чуть плотнее сжала рукоять «Бритвы», готовясь к броску, – таких гостей лучше мочить сразу, а уже потом разбираться, кто пришел, зачем пришел... Но я почему-то не стал продолжать отработанное движение, и открытое горло ночного гостя с острым, выпирающим кадыком осталось целым и невредимым.

Ростом он был метра два, не меньше. Большая голова с открытым лбом и густой шевелюрой до плеч, глубоко посаженные, внимательные глаза, прямой аристократический нос... и непропорционально широкая, массивная нижняя челюсть, превращающая лицо гостя в уродливую маску. Длинные руки, длинные ноги, короткий мощный торс, большие стопы и ладони... Акромегалия? Непохоже... Судя по неуловимым движениям ночного гостя, передо мной был не инвалид, а профессиональный воин, умеющий отлично пользоваться своим деформированным телом.

Это естественно, что люди моего образа жизни прежде всего обращают внимание не на оружие и снаряжение, а на его владельца. Крутой прикид и навороченные стволы может купить любой лох. Вопрос в том, умеет ли он ими пользоваться. И если нет, то никакое оружие ему не поможет, коли дело дойдет до серьезной схватки.

Ночной гость точно умел и знал толк что в оружии, что в снаряге – конечно, применительно к меркам этого мира.

Все его тело от плеч до коленей покрывала искусно спле-

тенная кольчуга. Интересно, что на грудной части той кольчуги имелись кольчатые кармашки, в которых я разглядел стальные пластины характерной формы от бронежилета 6Б23-1 со следами стершейся зеленой краски. Выступ, прикрывающий сердце, ни с чем не спутаешь. Надо же какой продвинутый девайс на стыке технологий Средневековья и... давно минувшей эпохи, в которой когда-то жил я...

Плотные кожаные штаны, выглядывающие из-под кольчуги, были заправлены в голенища вполне прилично сохранившихся кирзачей – не иначе из какого-нибудь схрона стыренных. В левой руке запакованный в кольчугу воин сжимал рукоять двуручного меча, клинок которого небрежно покоился на плече хозяина. Гарды у меча не было, и я сразу понял почему. Длинная заточенная под колун полоса металла одновременно служила ее владельцу и мечом, и копьем, судя по потертости на середине клинка. При такой заточке неопасно схватиться за лезвие даже голой рукой, зато чужие доспехи, хитиновые панцири и головы оно должно крошить изумительно. И плюс ко всему тяжелое фигурное навершие рукояти, выполненное в виде головы демона, было не только для баланса и красоты. Таким «скул крашером» можно не только череп раздробить, но при хорошем ударе и брюхо вскрыть, пропахав плоть словно двухлемешным плугом.

На поясе ночного гостя слева висел длинный нож с характерной изогнутой рукоятью из оленьего рога. Узнаваемая модель. Легендарный «Рэндалл», нож для охоты и войны.

Как раз то, что нужно для этих мест. Универсальный старинный нож в новых изящных ножнах... похоже сработанных из человеческой кожи. Модный материал в этих местах, похоже свидетельствующий о крутости хозяина, способного выследить и завалить зазевавшегося хомо.

Справа на том же поясе ночного гостя в чехле ручной работы покоился обрез охотничьего ружья ИЖ-81 двенадцатого калибра с пистолетной рукояткой. Эдакий средневековый пистоль-помповик с трубчатым подствольным магазином на четыре патрона. Пятый наверняка в патроннике – чисто на всякий случай. И подвес правильный, чтобы, не вытаскивая ружья из чехла, можно было пальнуть от бедра. Грамотно. В ближнем бою – самое то. Там, где «калаш» прошьет того же неонасквозь, а тот и не заметит, кроша твой череп дубиной, скромный по размерам ИЖ унесет тушу мутанта метров на несколько. Потому как крупная дробь с близкого расстояния штука реально сногшибательная...

– Пустишь погреться? – хмуро поинтересовался мутант.

Ему и вправду было несладко. Промокший насквозь подкольчужник тепло наверняка не держал, а навешанная сверху сталь дополняла ощущения. По несуразному телу меченосца пробежала заметная дрожь – и я кивнул, пряча ножи в чехлы. Хотя ремешки-фиксаторы рукояти не застегнул. То же чисто на всякий случай.

Гость шагнул вперед и легким движением плеча толкнул вперед двуручник. Сейчас бы он мог меня достать при же-

лании – а мне вдруг стало все равно. Привычный рефлекс отпустил, и, если бы воин-мутант решил снести мне голову с плеч, я бы даже не дернулся. Плевать. Жить все равно больше незачем...

Но гость лишь прислонил меч к стене и подошел к огню. После чего сбросил с плеч тощий рюкзак с пристегнутой к нему противогазной сумкой и сел напротив меня, скрестив ноги. Покосился уважительно на зачехленную СВД, стоящую за моей спиной у стены, протянул к огню огромные кисти и произнес:

– Благодарю, странник, что пустил к костру презренного ворма.

Вормы... По-английски «черви». Ион как-то упоминал это слово. Кажется, неопознанные мутанты, питающиеся трупами. Впрочем, здесь практически все питаются трупами. Да и какая разница, ворм не ворм. Лучше б вообще заткнулся. Пустили греться – сиди и грейся, а не языком мели.

– Что за печаль у тебя на душе?

Нет, зря я все-таки не прирезал его сразу. Хотя никогда не поздно сделать хорошее и нужное дело...

Но ворм, видимо, что-то прочитав в моих глазах, заткнулся без моей помощи. А чуть погодя, разогрев как следует свои лапы над огнем, полез в рюкзак и вытащил оттуда самую обычную армейскую флягу. Отвернул крышку, протянул мне:

– Выпей.

Я покачал головой. Все, что мне хотелось, – это собрать автомат и завалиться спать. А там пусть хочет пьет в одну харю, хочет меня прирежет ради приглянувшейся СВД – без разницы.

Но ворм оказался упрямым:

– Выпей!

Длинная как жердь рука протянулась над костром. Зеленая крышечка фляги качалась на цепочке в районе моего подбородка, а из алюминиевого горлышка доносился насыщенный аромат неведомых трав, смешанный с парами крепкого алкоголя.

Хотя... почему бы и нет? Помянуть-то ее всяко нужно...

Невероятная смесь горьких и приторно-сладких ингредиентов, настоянных на чистом спирте, прошла по пищеводу словно струя огненной лавы. Такого я не испытывал никогда, хотя пить доводилось всякое. По венам мгновенно разлилась огненная река, тут же ударившая в череп, словно в жерло вулкана, забитое всякой дрянью. Мне показалось, что еще немного – и мои мозги, завернутые в сеточку, взорвутся и разнесут на фиг черепную коробку.

Ворм оказался ловким малым. Он вовремя подхватил флягу, выпавшую у меня из руки, а заодно и меня – я чуть не завалился носом в костер.

– Осторожнее, homo, – прошелестел у меня над ухом его голос. – Файринсайд валит с ног почище пули, но и воскрешает быстро.

Он не обманул. Неистовое пламя, пожирающее меня изнутри, внезапно исчезло. А вместе с ним куда-то пропало состояние звериной тоски и желание расчленить на фрагменты труп арбалетчика, убившего мою жену. Чушь какая-то... Зачем потрошить падаль, которая уже получила своё? Неужели минуту назад я мог мечтать о таком?

Смертельная усталость во всем теле тоже пропала. Не сказать, что теперь я был полон сил и готов носиться по развалинам словно сайгак. Но в то же время, если потребуются, километров пять по пересеченной местности нарежу влегкую.

– Вижу, фэйринсайд подействовала на тебя, – кивнул ворм, завинчивая крышку фляги и поудобнее устраиваясь по ту сторону костра. – Это хорошо. Моё имя Сталк. А как называть тебя?

...В его голосе слышались едва уловимые нотки, которые я уже где-то слышал. А, ну да, точно. С таким же, правда, в разы более ярко выраженным акцентом разговаривал серв Колян, механический паук на ножках, обожающий жрать свежие трупы. И название пошла – «фэйринсайд», «огонь внутри» в переводе с английского. И имя – Сталк. Вполне возможно, что производное от «to stalk», «преследовать». Кстати, что-то Ион говорил об американских морпехах, потомки которых, возможно, до сих пор шарятся в этих местах.

– Ты не назвал свое имя, – напомнил Сталк.

– Снайпер, – рассеянно ответил я. Сейчас я был занят более важным делом, чем беседа с мутантом. Я собирал авто-

мат, а для меня сборка оружия – это всегда священнодействие.

– Это не имя, – вполне резонно заметил ворм.

– Уж какое есть, – пожал плечами я. – Другого я не знаю.

Вернее, не помню.

– Странные вы, хомо, – произнес Сталк. – Здесь, на зараженной земле, нас все считают радиоактивными отбросами, даже осмы, живущие на помойках. Хотя я помню своих предков до двадцатого колена. А вы порой даже не помните собственного имени...

Мне было плевать на выводы этого уroda. Я снарядил магазин патронами, присоединил его к собранному автомату, передернул затвор и щелкнул переводчиком огня, ставя оружие на предохранитель. Что ж, теперь можно со спокойной совестью завалиться спать. Правда, не мешало бы поставить растяжку перед входом... Хотя, в общем-то, какая разница?

– Расскажи, что за горе у тебя на душе?

«Вот ведь докопался... Чтобы я еще кого пригласил к костру на ночь глядя», – подумал я. И вдруг, неожиданно для себя, положил собранный автомат себе на колени – и рассказал всё. Черт, «файринсайд» на самом деле не уничтожил, а лишь притупил боль, сделав ее менее заметной. На самом деле рана в сердце продолжала кровоточить... А рассказал – как будто немного легче стало...

– Сочувствую твоему горю, хомо, – проговорил ворм, неотрывно глядя в огонь. Зрочки у него были огромные, во

всю радужку. – Дампы – жуткие твари, помешанные на ритуалах. Так ты говоришь, что убил их всех шестерых, в том числе арбалетчика, не успевшего спустить тетиву?

Я непонимающе уставился на Сталка.

– Дампы всегда охотятся всемером, – пояснил он. – И всегда в их отряде два арбалетчика. Я ж говорил, что они помешаны на ритуалах, а три и семь – их магические числа.

Черт! Ворм был прав... До сегодняшнего дня мне дважды приходилось встречаться с дампами – и оба раза их было семеро. Получается, один арбалетчик выстрелил – и скрылся. А второй просто не успел нажать на спуск...

– Ты хочешь сказать, что убийца моей жены...

Ворм, не мигая, смотрел на меня, и в его глазах было искреннее сочувствие.

– Я слышал о хомо, который уничтожил целый рой руконогов, убил пару жуков-медведей и взял крепость марки-тантов на Северо-Западе. Новости в этих местах разносятся быстро. И мне искренне жаль, что такого воина сломала смерть его самки. Сильный воин всегда сможет найти себе другую...

Мой большой палец лег на переводчик огня автомата...

– ...или отомстить за ее смерть, – быстро добавил ворм.

Здесь он был прав на все сто. Получается, мне пока еще рано умирать. Значит, все-таки стоит поставить растяжку перед входом.

– Я плохо знаю эти места, – произнес я. – Ты поможешь

мне найти логово дампов?

Сталк пожал узкими плечами, звякнув кольчугой.

– Это зависит от того, какую цену ты предложишь.

Его взгляд вновь скользнул по СВД.

– Даже не надейся, – сказал я, доставая из нагрудного кармана кольцо, которое умудрился пронести через все передряги. Его мне дал в задаток вождь клана Раргов, косматый Рренг, упокой его отравленная земля Москвы. Впрочем, попал он в эту землю через кишечники сородичей, сожравших его за милую душу. Случается такое порой. Только что ты был на коне, мнил себя всемогущим и бессмертным... Но вдруг неожиданно все хорошее заканчивается, а сам ты неотвратно и безвозвратно превращаешься в дерьмо...

Я протянул Сталку кольцо, которое теперь дарить было некому. Разве что расплатиться им за информацию, благодаря которой смогу отомстить.

Мутант равнодушно протянул руку, но, судя по тому, как загорелись его глаза, я понял, что сделка состоится.

Сталк попробовал оправу на зуб, повертел кольцо, как и я в свое время, пытаюсь рассмотреть качество камня, – и принялся торговаться.

Сошлись мы на предложенном, плюс мой «Сталкер», плюс магазин патронов к автомату Калашникова. На кой ему убитый в хлам нож при наличии «Рэндалла» и патроны при отсутствии автомата, я выяснять не стал. Просто отдал требуемое, потом поднялся, вышел наружу и быстро поставил

хитрую растяжку. Если кто-то непрощеный придет в гости – извините. А Сталк надумает уйти не попрощавшись, пока я сплю, – будет у меня помимо «Бритвы» и «Сталкера» отличный американский нож. Если его осколками не посетит, конечно. А двуручник с «ижаком» мне без надобности, своего добра хватает.

Когда я вернулся, Сталк по-прежнему сидел на своем месте, глядя в огонь.

– Ты не бойся, хомо, я не обману, – сказал он. – В моем роду слово воина крепче стального клинка.

Я не стал распространяться о том, сколько раз в жизни видел сломанные клинки, а просто начал вытаскивать из рюкзака плащ-накидку.

– Разбудишь через два часа, – сказал я.

Если ворм попробует протестовать насчет того, что первым дежурит он, то пусть идет на три буквы. Или отсюда – и до растяжки. Но мутант не протестовал.

– Ты, наверное, хочешь узнать историю моего народа, – полуутвердительно произнес он.

– Конечно, – сказал я. С детства люблю сказки на ночь.

Пока я раскидывал берцами по углам мусор и стелил накидку на землю, ворм достал откуда-то из-под кольчуги некое подобие сигары, свернутое из сушеных листьев, и армейскую ветрозащитную зажигалку, какими в моем мире пользуются байкеры и поклонники стиля «милитари». Штука безотказная, но вонючая и требующая постоянной залив-

ки топлива. На ее верхней части я увидел гравировку: «Если пойду я долиною смертной тени, то не убоюсь я зла...» Там было еще что-то, но вторую половину надписи скрывали пальцы мутанта с отросшими грязными ногтями, напоминавшими когти.

Ворм щелкнул зажигалкой, прикурил свою самокрутку и начал:

– Последняя Война закончилась ничем. Обменявшись громом небесным, люди познали кару небесную. Даже при поддержке боевых роботов завоеватели не смогли взять Кремль, и им некуда было возвращаться. Их родная земля за Большой водой стала пепелищем и ничем не отличалась от той, что была у них под ногами. Остатки элитных подразделений сил специального назначения и морской пехоты были вынуждены отступить на север. Там были водохранилища, чтобы не умереть от жажды, и леса, укрывшие людей от ужасных чудовищ, выведенных в подземных лабораториях Москвы.

Но на севере не было подземных бункеров, в которых можно укрыться от радиации. Очень многие умерли. Но дети и внуки тех, кто выжил, стали другими. Вормами. Существами, чьи матери даже предположить не могут, что за урод родится у них на этот раз...

Пока ворм рассказывал, я успел более-менее удобно устроиться, завернувшись в плащ-палатку и пристроив рядом с собой автомат. А мутант все говорил слегка нараспев,

будто молитву читал. Похоже, это он сейчас заученное устное предание выдавал. Ценная, конечно, информация. Но спать мне хотелось сильнее, нежели слушать легенды о северных мутантах. Голос ворма все еще пробивался сквозь дрему, но смысл сказанного уже довольно туго доходил до моего сознания, измученного событиями сегодняшнего дня.

– Предки моего народа были вынуждены совершать вооруженные рейды на северо-восток и северо-запад в поисках пищи и снаряжения – в развалинах можно было найти самое необходимое. Но с каждым десятилетием находок становилось все меньше, а враждебных мутантов и вооруженных хомо – все больше. Выжившие люди тоже помаленьку вылезали из своих подземных бункеров на поиски трофеев, неуклюжие, одетые в тяжелые противорадиационные костюмы. Предки воевали с ними, и порой довольно успешно. До тех пор, пока не снизился радиационный фон и люди не построили крепости. Они сменили свои костюмы на кольчуги и бронежилеты из подземных складов – и нам пришлось несладко. Среди нас было мало воинов. Женщины рожали редко, и в основном на свет появлялись уроды, неспособные держать оружие. И однажды люди, выжившие в Химках, Долгопрудном и Мытищах, выбили нас из лесов за МКАД, обратно на зараженную землю Москвы.

Сейчас остатки моего племени скрываются на северных болотах, понемногу вымирая от ядовитых испарений. А немногочисленные воины вроде меня ходят в эти проклятые

места за добычей, порой воюя с дампами и осмами за кусок мертвечины...

Всё это было очень трогательно, но содержимое фляги мутанта убило во мне всю способность сопереживать кому-либо. Иными словами, по барабану мне было и то, что случилось сегодня, и то, что произошло много лет назад. Фактически я уже спал, когда до моего сознания дошли слова Сталка:

– Дампы умеют находить черные Поля Смерти. Очень редкие поля. Более того, они научились их перемещать, за-таскивая в свои дома-крепости. Черное Поле делает старые вещи новыми, как-то двигает их назад по линии времени. Мы узнали об этом совсем недавно и теперь отслеживаем дампов, чтобы...

Сон слетел с меня моментально.

– Ты говоришь, черное Поле? – перебил его я, приподнимаясь на локте.

– Да, – кивнул ворм, немного удивленный моей реакцией.

Так... Многое становилось понятным... На базе марки-тантов, которую нам всё-таки удалось захватить во второй раз, торговец паленым коньяком говорил о восстановленных продуктах. Да и оружие со снаряжением у них выглядело новым, будто только с конвейера. Значит, они тоже знали о черных Полях Смерти, умеющих возвращать вещам перво-зданный вид, а биологические объекты забрасывать в дале-кое прошлое по линии эволюции. Бедная маленькая Рут, ко-торая сейчас бредет где-то вслед за своим могучим братом,

глядя на мир наивным взглядом новорожденного...

– Логово дампов здесь, неподалеку, слева от дороги. Бывший хлебозавод, из которого люди перед самой Последней Войной сделали дом для торговли.

– Торговый дом. Или бизнес-центр, – машинально поправил я, думая уже о другом.

– А дампы сделали из него крепость, – продолжил мутант. – Я много думал, как попасть туда, – у нас очень много старых вещей, которые хорошо бы сделать новыми. Но я один, а дампов...

– Здесь твои соплеменники? – перебил его я.

– Соплеменники придут, как только появится то, ради чего стоит прийти, – туманно ответил ворм.

Но меня уже интересовало другое:

– Как думаешь, отряд, который я уничтожил, из этой крепости?

– Эта крепость держит весь район, – хмыкнул Сталк. – Конечно, они оттуда. Постой, неужели ты решил пойти за арбалетчиком в одиночку? Мудрецы моего народа говорят, что дампы не нападают на опасных врагов типа жука-медведя или бронированной машины, что пролетела по дороге вчера. Но одинокий путник для них легкая добыча. Что не сделал один отряд, сделают три. Или пять. Их там сотни, хомо, и тебе с ними не справиться.

– Я пошел спать, Сталк, – сказал я. – Мудрецы моего народа говорят, что утро вечера мудренее.

Ворм, зараза, оказался пунктуальным. Судя по моим «Командирским», растолкал он меня ровно через два часа. Мог бы и скидку сделать на свой трёп, благодаря которому мой сон уменьшился минут на двадцать. Не сделал. Ну и ладно. Зато мой запас информации к размышлению пополнился изрядно.

Может, дело было в напитке ворма, а может, просто мой здравый смысл победил легкое расстройство рассудка, накрывшее меня после смерти жены. Во всяком случае, свои положенные час сорок проспал я как убитый, а после пробуждения моя голова вновь работала как прежде, четко и ясно.

– Спокойной ночи, Сталк, – хмыкнул я, рассмотрев в свете костра осоловелые глаза мутанта. Видать, приняв на свои неширокие плечи тяготы и лишения караульной службы, ворм облегчал свою нелегкую долю, время от времени прикладываясь к заветной фляге.

– Е-панчу дашь п-подстелить? – поинтересовался мутант, с трудом поднимаясь на ноги.

– Чего тебе дать? – переспросил я.

– Епанч-чу, – выговорил ворм, ткнув пальцем в сторону расстеленной плащ-палатки.

– Не, земляк, перебеешься, – сказал я, накидывая на пле-

чи солдатский брезентовый плащ с глубоким капюшоном. – Дождь того и гляди снова пойдет, а топливо для костра ты всё пожег. Так что пойду я, дровишек поищу. Неподалеку как раз деревяшки какие-то валялись.

– Ну и ладно, – сказал ворм, зевая. При этом его гигантская челюсть опустилась чуть не до груди. – Мы и на земле привычные.

Он и вправду улегся на землю, позвякивая кольчугой, свернулся, словно железный кот, – и моментально захрапел. Вот и ладушки, вот и хорошо.

Винтовку я надежно припрятал в кустах – в карауле она без надобности. Для моей задумки – тоже. Туда же определил и рюкзак вместе с плащ-палаткой. Не то чтобы я зажал «епанчу», просто пока не шибко большим корешем был для меня пришлый ворм, попахивающий отнюдь не французским одеколоном. Это товарищу по оружию не запахло отдать последнее, а каждому бродяге личные вещи одалживать – уж извините. Замаскировав схрон, я вернулся, быстро снял растяжку, осмотрелся и, не обнаружив ничего подозрительного, нырнул в темноту.

Кстати, темнота была относительной. Луна скупно просвечивала через свинцовые тучи, полностью закрывавшие звезды. Но мне хватало и этого. Спасибо биоинженерам, потрудившимся над моим телом, – в темноте я видел довольно неплохо. Вполне достаточно, чтобы не сломать себе шею в развалинах, скрытно перетекая от какой-нибудь замшелой

бетонной плиты до громадного осколка кирпичной стены, чудом не рассыпавшегося от времени.

Здание, о котором говорил Сталк, я узнал сразу. Мы проезжали мимо него на БТРе. Темный, мрачный, почти полностью сохранившийся параллелепипед, выделяющийся на фоне руин. Судя по моему прошлому опыту, именно в таких любят селиться дампы.

Они и расселились. Иначе с какого перепугу им ставить у входа часовых? Две темные фигуры маячили возле П-образного входа, и я был готов поставить свой АК против копыя руконога, что это именно мои старые знакомые, лишь с первого взгляда так похожие на людей. Стены здания покрывал какой-то мутировавший мох, флуоресцировавший в лунном свете. И на фоне этой мерцающей стены часовые смотрелись как бесформенные тряпичные пугала, сбежавшие с кукурузного поля.

Я потихоньку, не спеша подкрался поближе. Угу. Стоят столбом, в десяти метрах друг от друга. У одного алебарда, у второго арбалет. С некоторых пор арбалетчиков я серьезно недолюбливаю, потому решил начать с того, что слева.

Обогнуть пост по дуге было несложно – вокруг валялось полным-полно габаритного мусора. Не озаботились дампы расчисткой сектора наблюдения и обстрела. А зря.

Короче, через четверть часа я уже сидел за бетонным обломком, в двух метрах позади арбалетчика. И прикидывал, как мне половчее отправить его в мир вечного помоечного

счастья.

Это с первого взгляда может показаться, что снятие часового – дело несложное. Подошел сзади, сунул правую руку вражине под подбородок, положил ладонь на левый бицепс, «защелкнул замок» – и через минутку задушенный противник тихо-мирно отъезжает в Край вечной войны. Правда, есть одно «но». Отъезжая, он непроизвольно опорожняет кишечник. И надежды на непромокаемость вражых штанов обычно не оправдываются, а памперсы караульные как назло не носят. Короче, не люблю я этот вариант. И как раз для таких эстетов, как я, второй есть, покрасивше. Его часто в кино показывают, ибо зрелищно.

Опять же, подкрался сзади, зажал рот глухому тормозу, не расслышавшему твоих кошачьих шагов берцами да по кирпичной крошке, запрокинул голову, давя большим пальцем на корень носа, – и ножом раздолбая по горлу.

Правда, то, что красиво в кино, в жизни имеет нюансы. А именно – сиплый посвист воздуха, выходящего из легких через прорез, а также бульканье крови в перерубленной трахее. То есть факторы демаскирующие, особенно в ночной тиши. Плюс добавим фонтан крови, ежели по неосторожности задеть сонную артерию. Плеснет под давлением, и, по закону подлости, прямо неопытному убийце в морду. Опытный тоже сначала зажмет рот, но ударит клинком под основание черепа или под лопатку, а после подержит немного, дожидаясь, пока жертва не перестанет сучить ногами.

Однако этот вариант тоже не люблю. Хошь не хошь, а потом все равно рука и нож в кровище. Не то чтоб неприятно, мы и не к такому привычные. Скользко. Нож даже с рукоятью из рифленого резинопластика все равно норовит из руки выскользнуть. И потом, если что на спуск жать осклизлым пальцем не комильфо. И следы опять же за тобой зловеще-багрово-демаскирующие тянутся, словно ты маньяк какой-то из фильма ужасов... Короче, не моё.

По мне, оптимально следующее. Подошел, левой ладонью тихонько за челюсть взял, одновременно вражью пасть прикрывая, правую на затылок положил, повернул резко – и сложил труп на землю, следя, чтобы он не очень активно агонизировал. То есть, двигаясь по инерции следом за сворачиваемой головой, надо успеть своим коленом надавить на бедра врага. При достаточной сноровке в пяти метрах стоять будешь – не услышишь. А в десяти – и подавно.

Короче, я так и поступил. Выскользнул из-за укрытия, подкрался – благо земля была под ногами, а не битый кирпич, – протянул руки, ухватил арбалетчика за голову как положено, рванул, поворачиваясь всем телом для придания движению должной мощи... И офигел моментально и бесповоротно, осознав, что в руке у меня зажат оторвавшийся фрагмент нижней челюсти дампа.

Как там у классика? «Все прогнило в дампском королевстве?» Как-то так. То есть еще в древности сталкивались люди с похожей проблемой, полуразложившиеся стражники и

там встречались. Только вот, что с ними делать, классики не писали. Я бы запомнил. У меня под такие вещи память о-го-го как заточена. Но нет, не было там инструкций на актуальную тему. Поэтому пришлось импровизировать.

На меня из-под прикрывавших голову тряпок смотрели тусклые, ничего не выражающие глаза. Из нижней части лица на грудь дампа лилось что-то черное – небось кровь напололам со слюной. Но мутанта утрата существенного куска нижней челюсти никоим образом не волновала. Помимо арбалета, который еще надо было взвести, у бедра караульного болталось что-то типа боевой косы с сабельной рукояткой. Вот за этой хренью он, бросив арбалет, и потянулся. Странно, что не заорал, призывая подмогу, – наверно, решил лично отомстить за утраченную часть портрета. Что мне, несомненно, на руку.

Клинок косы был уже почти занесен над моей головой, доля секунды – и опустится резко, со свистом рассекая воздух... Но я оказался быстрее, приняв, наконец, нестандартное решение.

Когда у тебя в руке зажат осклизлый обломок кости, а тебя в это время собираются зарезать, то волей-неволей первобытные инстинкты вылезают наружу. Никто не учил меня орудовать чужими челюстями – своими предпочитаю, причем желательно над вкусной и здоровой пищей, – но на этот раз я удивил сам себя. А именно: перехватив поудобнее острый костяной обломок с тремя чудом оставшимися зубами,

я со всей дури воткнул его туда, откуда взял – правда, под другим углом. Снизу вверх. Прямо в открытое небо дампа.

Кость вошла легко, видать, ее хозяин прогнил изнутри изрядно. Дамп издал горлом нечто нечленораздельное, но боевую косу из руки не выпустил, просто замер на мгновение, осознавая произошедшее. Вот ведь сука! У самого кость в горле, причем своя собственная, а он воевать лезет. Ну н-на тебе, воин, еще раз, да по тому же месту!

Сделав шаг назад, я сделал резкий мах ногой вверх, словно рассекающий удар по яйцам бил. Но стучать дампу в колокола было опасно – вдруг они уже отвалились, и мутант, ничего не почувствовав, начнет кромсать меня своей косой. Потому бил я беспроегрышную «коронку», не раз выручавшую меня в сложной ситуации. А именно – в подбородок носком берца, вернее, его окованным сталью рантом. Штука сногшибательная в прямом смысле этого слова, даже для тех, у кого подбородок отсутствует.

Хрясь!

Я прямо почувствовал, как челюсть дампа вошла в мозг хозяина. Гнилая голова резко откинулась назад, и мутант грохнулся навзничь. Его ржавая коса взлетела вверх, описав в воздухе замысловатый крендель, и упала уже где-то далеко за моей спиной. Далеко потому, что я уже несся ко второму караульному, на бегу выдергивая из ножен «Бритву».

Кабы получилось убрать первого дампа по-тихому, второй, скорее всего, даже не чухнулся бы. Потому как стоял

далеко, всем весом повиснув на своем копье. Небось дрых стоя, как любой другой караульный всех времен и народов, причем неважно, что у него в руках – какое-нибудь средневековое пырялово, винтовка или плазмоган далекого будущего. Один хрен будут клевать носом на посту, чудом не стекая вниз по древку или стволу. Извечная проблема рано встающей и вечно невысыпающейся охраны.

Короче, было у меня несколько секунд для того, чтобы максимально сократить расстояние. В своем мире знал я одного парнишку из Молдавии, мастера метать не только любые ножи, но даже строительные уголки с расстояния десять метров, попадая при этом в виноградный лист. Я – не он, я другое хорошо умею. Да вот только шуметь огнестрелом у порога вражьей цитадели, мягко говоря, неразумно. Вот я и бежал огромными прыжками, сокращая расстояние... и чувствуя при этом – не успеваю.

Дамп оказался шустрым. За то короткое время, пока я проводил пластическую операцию над его товарищем, копейщик успел очнуться от комы, сориентироваться на местности и принять решение. Правильное или нет – пока не знаю. Во всяком случае, орать и звать подмогу он не стал, как и его товарищ, решив обойтись своими силами. Наверно, проспал нашу дуэль и тоже решил, что одинокий хомо – не слишком серьезная проблема для того, чтобы звать сородичей на подмогу.

Приняв стойку, достойную резца Родена, дамп широко

размахнулся, готовясь метнуть в меня копьё. Уверен, зараза, что не промахнется. И ведь правильно уверен. При достаточно сильном броске хрен я отобью его двухметровую металку. И с линии броска уйти не успею, так как сам бегу по этой линии, и расстояния между нами – метра четыре, не более...

Ковбои в каком-то кино, помнится, весь фильм так стрелялись. Кто быстрее – тот и прав. Вот мы с дампом и отработали так же, как те коровьи пастухи с «Кольтами». Он копьем, а я «Бритвой», особо не надеясь на попадание, – попробуй попади ночью, да еще на бегу. Метнул «на контур», метя в верхнюю часть туловища. Авось хоть рукоятью в башку попадет, нож-то у меня тяжелый...

Не знаю, как я, а дамп попал, хоть я и попытался одновременно с броском ножа уйти в сторону... Получилось неважно. Я почувствовал, как левое плечо рвануло назад, и как в том плече словно натянутые веревки рвутся...

Ох, как плохо! Пока не больно, как и от любого ранения холодняком, не задевшим крупный нервный узел. Но скоро будет мне небо в бриллиантах королевской огранки! Через полминуты примерно, до того как мозг осознает масштабы разрушений и примется сигнализировать о том, как всё хреново. Будто я без него не знаю...

Когда стрелять не рекомендуется, это не значит, что автомат становится бесполезен. Особенно старый добрый АКМ с деревянным прикладом и стальным затылком, которым в случае большой надобности можно уделать противника не

хуже, чем окованной железом дубиной. Что я и сделал, добрав до застывшего на месте копыеносца и зарядив ему прикладом в обмотанный тряпками торец.

Оказалось, можно было и без этого обойтись. Дело в том, что дамп застыл на месте, пытаясь вытащить из горла мою «Бритву». Получалось это у него неважно – клинок застрял в шейных позвонках. И тут я со своим автоматом... В общем, не получилось у мутанта ничего. Грохнулся он навзничь так же, как его напарник минутой назад. И как-то так получилось, что «Бритва» оказалась у дампа в руках, а отделенная от тела голова покатила, подпрыгивая на кочках. В общем, бывает. Трофей достал, а головы лишился. Типично жизненная ситуация.

И тут я заскрежетал зубами, грозя мерзким звуком переполошить обитателей мрачного здания. До мозга доперло, что плечо у меня распорото не на шутку, и он включил сигнализацию. Предполагаемое бриллиантовое небо возникло перед моими глазами незамедлительно. Я закусил губу, накинул на себя ремень, перебросил автомат за спину и буквально выдернул из наплечного кармана шприц-тюбик. Торгаш на базе маркитантов бил себя пяточными мозолями в грудь, клянясь, что в шприце чистый морфий. Очень надеюсь, что барыга не наврал, а то ж я не поленюсь прошвырнуться на досуге на северо-запад и рассказать, как мне было весело этой ночью. С наглядными примерами, которые возникают незамедлительно, если ударить по брехливой голове

чем-нибудь тяжелым.

Сделав укол, я только мельком глянул на плечо, прежде чем экстренно наложить на него бинт. Сказать, что там всё неважно, – лучше промолчать. Копье конкретно распороло средний пучок дельтовидной мышцы, удивительно, что рука еще двигается. Но это ненадолго. А если копьё было нестерильным, да та нестерильность попала в рану, то и совсем труба. В условиях этого гостеприимного мира проще приставить ствол к подбородку и нащупать большим пальцем спуск автомата. Но это всегда успеется. Прежде я должен убедиться, что все арбалетчики в этом здании отправились охотиться на небесных хоммутов в Край вечной войны.

Странная все-таки зверюга человек. Вот накрыло меня горе нереальное, от которого в петлю влезть – раз плюнуть. Но как только начинается вокруг меня активная резьба по плоти, в том числе и по моей, так остается только сама цель, без признака сторонних эмоций. То есть жену мою убиенную жаль, конечно. Но не до слез, соплей и иных выделений, характерных для рода человеческого в таких случаях, а до холодной ярости, при наличии которой мозг работает четко, ясно и бесперебойно, всё ради цели моей – может, для кого и безумной, а для меня сейчас единственно важной.

Кто-то скажет, сидя под кондиционером и потягивая пиво из холодильника, – вот, мол, дурак, один против толпы полез ради мести. Человека-то не вернуть, а своя задница всегда роднее чужой... Ага, дурак я и всегда им был. Как и все, кто

идет на войну, понимая, что и пристрелить может, и горло перерезать, и кожу с живого снять медленно при допросе. И как те, кто рискует влюбиться в девчонку без памяти, осознавая, что однажды могут ее потерять. Но когда такой дурак, вдобавок войну прошедший, а то и не одну, вдруг свою любовь реально теряет, никто его действий последующих понять не сможет, даже он сам. А вот убийцы той любви поймут и прочувствуют непременно. Такая вот у нас, дураков, на всю голову контуженных, парадоксальная философия...

Вход был свободен. Ну я и пошел, стараясь не обращать внимания на то, как дергает плечо при каждом ударе сердца. Не на это сейчас надо внимание обращать, поважнее есть темы для заострения внимания. Потому как, если внутри вражьей цитадели будешь отвлекаться на собственные болячки, их тебе немедленно организуют дополнительно целый вагон и маленькую тележку.

А обстановка была, надо сказать, запоминающаяся. Помнится, клыкастый нео по имени Грок рассказывал про крыш-траву, благодаря которой не рушатся от времени дороги и здания. Мол, вырастает такая трава в бетон или асфальт и поддерживает его корнями. На кой оно надо траве – вопрос. Может, от непогоды бережется, а может, что-то вкусное в бетоне нашла и теперь оторваться не может, заполняя щели и полости своими корнями.

Грок говорил о мелком растении, но в этом здании поддерживающая стены флора разрослась не на шутку. Может,

крыш-трава экстремально отъелась на суперкалорийном бетоне, а может, это просто разновидность ее какая-то, Новым людям не известная...

Все стены были увиты длинными, гибкими корнями от пола до потолка. Пол устилал сплошной ковер из фосфоресцирующего мха, дававший загадочную мерцающую подсветку этому жутковатому друидскому интерьеру. Жутковатому потому, что между корней были пристроены черепа. Разные. Стремя глазами – явно шамовские. С двумя, похожие на человеческие, но отливающие металлом, – не иначе местные эльфы пару киборгов отловили. Узкий череп с двумя ротовыми отверстиями... Похоже, осму не поздоровилось. Вот еще жуть какая-то, а не черепушка, навевающая неприятные воспоминания о встрече с потолочником...

Но такой экзотики здесь было немного. Гораздо чаще встречались черепа знакомых форм, когда-то принадлежавшие нео... и моим соплеменникам. Слабо отличимые друг от друга. Все-таки, как ни крути, но нео – наши прямые потомки, в отличие от живых машин уничтожения, созданных в прошлом учеными по заказам военных.

Я стоял в громадном холле среди длиннющих корней, свешивающихся из непроглядной темноты потолка, – и, забыв про боль, напряженно вслушивался в тишину. Слабо шевелящиеся корни тихонько шелестели, терлись друг о друга и о стены, но бросаться на меня вроде не собирались. Не та порода. В отличие от хищных растений, кто чем промышля-

ющих снаружи, эти, похоже, жрут что дадут... или что принесут в жертву. Избалованные то есть. Ладно, учтем.

Сквозь тихое шебуршение корней я услышал какой-то звук, доносящийся из глубины здания. Похоже на шум водопада. Декоративный, что ли, остался со времен незапамятных? Корни сохранили чудо невиданное? Да нет, вряд ли. Последний искусственный водопад стопроцентно сдох в этих местах, как только перестали работать насосные станции Мосводоканала. Значит, не дизайнерский изыск мастера, давно умершего от лучевой болезни, а что-то другое...

Это и вправду было другое. Отдаленный шум становился все ближе, превращаясь в многоголосое гудение большой толпы. Угу. Это мне совсем не с руки. Навалятся кучей – и на этом моя месть закончится. Значит, мы пойдем другим путем.

Кто ищет, тот всегда найдет. Другой путь представился в виде лестницы, ведущей на второй этаж. Как раз что-то похожее я и высматривал, с ходу отвергнув несколько лифтовых шахт, забитых слабо шевелящимися щупальцами живых корней. Лестница – оно во все времена надежнее, нежели пользование лифтом. Того и гляди застрянешь, или в пустой шахте с остатками давно сгнившей кабины очнувшиеся корни придушат за здорово живешь.

По лестнице я крался крайне осторожно, хотя светящийся мох исправно глушил шаги. Береженого берегут хорошие привычки, а боги помогают тем, кто сам может себе помочь.

Одним словом, безопасности много не бывает...

А второй этаж-то оказался разрушенным. От пола осталась только чудом не рухнувший вниз узкий обломанный козырек с торчащими из него прутьями арматуры. Тянулся тот козырек вдоль всей стены, теряясь в хитросплетениях корней. Конечно, не особенно удобно стоять на таком огрызке, опасаясь, что он вот-вот обвалится. Зато видно весь первый этаж как на ладони. Меня же снизу не видать. Мох здесь не рос, а корни, болтающиеся чуть впереди медузьими щупальцами, давали густую тень. Короче, идеальное место для наблюдения за тем, что внизу делается.

А посмотреть, кстати, было на что.

Внизу находился огромный зал первого этажа, логическое продолжение холла. Наверно, в прошлом он был разделен перегородками на кабинеты, офисы и служебные помещения. Ныне же от гипсокартонных и стеклянных стен не осталось ничего. Уцелели только бетонные опорные колонны, опирающиеся в жалкие уцелевшие остатки потолка второго этажа и густо увитые корнями крыш-травы.

Внизу же, между этих колонн, беспокойно колыхалось живое, смрадное болото. Две или три сотни дампов стояли плечом к плечу, синхронно бормоча невнятные слова то ли молитвы, то ли заклинания. Это бормотание я и слышал, приняв его за шум водопада. Что именно произносили полусгнившие губы мутантов, понять было невозможно. Да, впрочем, какая разница? Небось просят своего бога не ка-

рать, помогать, защищать и одаривать всякими кунштюками при жизни и после смерти, предлагая взамен покорность и обожание. Тем более что далеко дампам ходить было не нужно – бог находился не в эфемерно-эфирных высях, а прямо тут, на полу, в центре зала.

Мне хорошо было видно со своего места, что именно заставляло дампов послушно повторять одни и те же слова, слегка покачиваясь в религиозном трансе. В стены и колонны были натканы чадящие смоляные факелы, от которых медленно, но верно расползались в стороны гибкие корни, напуганные близостью к открытому огню. Живые тряпичные куклы хорошо постарались, чтобы все присутствующие видели предмет их поклонения.

Прямо по центру зала расположилось пятно, занимавшее площадь около четырех квадратных метров. Ну казалось бы, клякса и клякса, мало ли кто что пролил на фосфоресцирующий мох. Но даже мне со своего места было видно – от пятна вверх лился черный свет. Сложно, наверно, понять такое, как свет может быть черным? Получается, может. Объяснить сложно, такое видеть надо...

Пятно, будто бесформенный фонарь, излучало совершенный, абсолютный мрак, в котором тонуло всё, даже свет ближайшего факела. На высоте около двух метров мрак постепенно рассеивался, и сквозь серую муть уже можно было разглядеть противоположную стену зала, по которой словно в ужасе метались черные тени.

Дампы опасно стояли в нескольких метрах от Поля Смерти. Лишь один, повыше других, облаченный в самые нарядные тряпки, переминался в непосредственной близости от него, периодически протягивая к объекту поклонения длинные руки. То ли вождь, то ли шаман, знающий немного больше других о свойствах пятна и оттого такой смелый. Я видел, как пятно медленно протянуло к служителю культа ложноножку, но тот вовремя сделал шаг назад. Ложноножка осталась на месте, вслед за ней неторопливо подтянулось остальное пятно. И снова неторопливый выпад Поля Смерти. И вновь вождь-шаман делает шагок назад, не прекращая раскачиваться из стороны в сторону, бормотать и протягивать руки к своему жутковатому божеству.

Без сомнения, это был танец, причем наполненный каким-то своим смыслом, для меня непонятным. Понятнее было другое...

Служитель культа вдруг взвыл тонко, протяжно... Толпа качнулась назад и расступилась, пропуская двух дампов, волочащих за собой третьего. Этот третий, судя по безвольной, мотающейся туда-сюда голове, находился в отключке. Он был полностью обнажен – наверно, тряпки были здесь в дефиците – и я невольно поморщился. Обезображенное чудовищными язвами тело напоминало освежеванный и изрядно подгнивший труп. А еще у него были перебиты колени и голеностопные суставы – только в этом случае стопы могут быть вывернуты под такими немислимыми углами.

Палачи бросили тело в паре метров от пятна и почтительно попятись. Причем сделали они это довольно резво. Было понятно, что близость к божеству не доставляет им особого удовольствия.

Поле Смерти дернулось в их сторону – и остановилось, словно в нерешительности. Ага. Похоже, оно реагирует только на движущиеся объекты, и валяющийся в коме полутруп ему без надобности.

Но длинный служитель культа был иного мнения. Он плавно переместился к жертве и без лишних церемоний со всей дури пнул ее ногой в ребра.

Покалеченный дамп вздрогнул и застонал. На месте удара прорвалась изъязвленная кожа, показался желтый обломок ребра. На утоптанную землю полилась струйка черной крови.

Пятно отреагировало мгновенно. Несколько ложноножек разной длины выпростались в направлении жертвы и довольно шустро потащили за собой всё Поле Смерти. На шамана-то они реагировали гораздо более вяло. Похоже, как и многие в этом мире, источник черного света обожал живую кровь.

Дамп, окончательно пришедший в себя, вдруг разом забыл о боли и страданиях. Его расширенные от ужаса глаза я увидел даже с высоты второго этажа. В них плескались отраженные языки пламени факелов и невыразимый ужас живого существа, осознающего близкую, ужасную и неотврати-

мую смерть. Дамп попытался ползти, судорожно перебирая руками, но пятно оказалось проворнее. Две ложноножки захлестнули сначала стопы несчастного, потом колени... Изъязвленное тело извивалось, пытаясь вырваться, но его неотвратно засасывало в столб черного света...

Прошло меньше минуты, прежде чем искаженное невыразимой мукой лицо исчезло в непроглядной черноте. Шаман торжествующе взвыл, толпа дампов подхватила вой.

Но радовались они рано.

Из Поля Смерти вывалилось наружу нечто несуразное, похожее одновременно и на человека, и на рыбу. Голова без шеи с выпученными глазами, конечности намного короче и толще человеческих, полутораметровое тело покрыто чешуей, кисти рук превратились в плавники... Мне сразу вспомнился школьный курс биологии, когда старенькая учительница рассказывала нам, сопливым хулиганам, о кистеперых рыбах, далеких предках человека. Тогда эта информация воспринималась весело: «Васька, ты от уклеики произошел, поэтому такой тощий и дохлый». Сейчас же, глядя на уродливое существо, становилось немного не по себе. Так вот кем могла стать маленькая Рут, если бы чуть дольше просидела в черном Поле Смерти...

Но замотанный в тряпье служитель культа не растерялся. Видимо, ситуация была для него привычной. Он присел, словно пауэрлифтер, делающий становую тягу с тяжелой штангой, подхватил рыбчеловека снизу за спину и, кряк-

нув, швырнул его обратно.

Прежде чем скрыться в непроглядном мраке, несчастное существо издало вопль, от которого у меня мурашки по коже побежали. Вот гады, что делают! Своих скармливают этой пакости! Чужим же головы рубят и вставляют их в стены меж корней. Интерьер украшают, дизайнеры тряпочные. А что останется, Полю Смерти скармливают. Ладно...

Я уже давно заметил группу дампов с арбалетами за спиной. Если приглядеться, то мутанты кучковались не абы как, а согласно типу оружия, которое у них имелось при себе. Самая малочисленная группа – меченосцы, небось самая что ни на есть элита. Эти стояли ближе всех к Полю Смерти, хотя при этом очень зорко следили, чтобы задние не сильно напирали, пытаясь рассмотреть подробности жертвоприношения. Не ровен час, толкнет любопытствующий, и сам отправишься в черный свет, превращаясь в какую-нибудь первобытную пакость. Оттого любопытные порой незаметно огребали – кто локтем в нос, а кто и яблоком меча под дых, причем весьма точно, что свидетельствовало о неплохой боевой подготовке мечников. Впрочем, стоящие сзади старались их не задевать, предпочитая тихо гундосить, раскачиваться и приобщаться к божественному. Быть как все, одним словом.

Всех было подавляющее большинство. Если не брать в расчет меченосцев, примерно треть собравшихся составляли дампы, вооруженные длинномерами – алебардами и самодельными копьями. Другая треть носила у пояса шестопе-

ры, боевые кистени и просто дубины, окованные железом. У остальных за плечами висели арбалеты...

Эта группа, стоявшая слева немного в стороне от остальных, заинтересовала меня больше всех. К Полю Смерти во-локли следующую жертву, но это уже не могло отвлечь меня от цели. Я прикинул свои шансы выйти отсюда живым и убедился, что их нет. Слишком много дампов стояло внизу, и, надо отдать им должное, воевать они умели. Ну что ж, не самая худшая смерть. Подожди немного, любовь моя, скоро я догоню тебя на пути в Край вечной войны...

Две «эфки» плюс две «эргэдэшки». Много это или мало? Если судить по голливудским боевикам, то противопехотные гранаты – вундервафли страшные. Люди разлетаются, бронев автомобили переворачиваются. А если по жизни, то все скромнее. Особенно против толпы, стоящей скученно, плечом к плечу. Но, тем не менее, четыре гранаты не пустяк, как в песне поется. Хотя в песне было десять. Десятью, пожалуй, всю бы эту банду прихожан можно было заминусовать под корень. Но и четыре неплохо. По крайней мере должно хватить на мастеров стрелять по беременным девчонкам из-за укрытия.

Усики я разогнул заранее, потому оставалось лишь выдернуть кольца и отработать по-возможности точно. Первыми в толпу полетели наступательные «эргэдэшки». Легли они почти рядом...

Два взрыва слились в один громкий хлопок, но, как и

предполагалось, толку от гранат было немного. Ну посекло в кровавую бастурму десяток дампов, да только дальше этого дело не пошло. Тела мутантов, стоящих слишком близко друг к другу, затормозили дальнейший разлет осколков.

Но свою роль наступательные гранаты сыграли.

Инстинкт самосохранения свойствен любому живому существу, и дампы не были исключением. Толпа инстинктивно прынула в стороны от эпицентра кровавого душа, неожиданно пролившегося на нее. В центре отряда арбалетчиков образовалось свободное место, багровая лужа, где, словно свиньи в грязи, плескались несколько агонизирующих трупов. Вот в эту лужу я и метнул две оставшиеся «эфки»...

На этот раз эффект был гораздо более впечатляющим. Примерно как если на стол, заваленный тряпьем, положить большой гнилой помидор и со всей силы ударить по нему кулаком. Пара оборонительных гранат – это не так как в кино: бабах! – и все летят. Две «эфки» – это как в жизни. Хлоп-хлоп... Никто никуда не летит, но всем труба...

Отряда арбалетчиков больше не существовало. Те дампы, которые стояли близко от места взрывов, но при этом уцелели, катались по земле, зажав уши ладонями. Понятное дело, контузия называется. Или баротравма – это уж кому как не повезет. Даже меня слегка хлопнуло по ушам ударной волной, хоть я и стоял довольно далеко и этажом выше.

Но основная масса дампов осталась цела-невредима. В зале подо мной стоял многоголосый рев, визг, гвалт, действу-

ющий на барабанные перепонки лишь чуть менее разрушительно, чем взрывная волна. Раздражал, одним словом. Как и те, кто его производил полуразложившимися глотками.

Откровенно говоря, бежать мне было некуда. Причем во всех смыслах. Ни отсюда не уйти, потому как вон, уже обнаружили меня и сейчас полезут по лестнице мстить. Ни вообще. Куда мне теперь идти в этом мире? Да и в том, что остался за зыбкой границей реальности, отделяющей постапокалиптическую Москву от пораженных радиацией земель Украины, – тоже некуда, если б даже я и смог каким-то чудом туда вернуться. Что остается человеку, который никому не нужен и которого никто не ждет? Только одно. Перевести автомат из положения за спиной в боевое, щелкнуть переводчиком огня и умереть красиво. Не борясь за свою жизнь, а пополняя личный счет перед тем, как какой-то из этих обмотанных тряпками уродов пополнил свой. Что ж, Ург, вождь осмов, погибший за свой народ. Помнишь свое обещание? Скоро мы снова встретимся с тобой в Краю вечной войны, и ты сможешь попытаться убить меня во второй раз...

Может быть, эти слова звучали у меня в голове. А может, я выплевывал их в морды дампов, лезущих вверх по лестнице, вторя своему автомату, плюющемуся огнем и раскаленным свинцом. В горячке боя мысли, крики и выстрелы сливаются в один грохочущий фон, в котором тонут стоны раненых и умирающих, – так пропадает в реве и брызгах водопада все мелкое и незначительное...

Лестница была неширокой, и дампы могли подниматься лишь по четверо в ряд. Первую четверку я выкосил за секунду, отчаянно кусая губы, – отдача у АКМ еще та, и на нее располозованное плечо отреагировало моментально, несмотря на морфиновую блокаду. Но иначе никак...

Четыре одиночных в забинтованные морды – и у тех, кто поднимался следом, под ногами образовались корчащиеся препятствия. Перепрыгнуть агонизирующие тела дело несложное, но в следующую секунду перепрыгнувшие сами стали такими же препятствиями.

Восемь трупов. Минус восемь патронов. Эх, где ты, Голливуд, с нескончаемыми патронами в магазинах? Остался в Америке двухсотлетней давности. А ныне лежишь в руинах, и, возможно, лишь я один в этом мире помню твои лихие, красивые боевики. В жизни же война – это кровь, грязь, боль и очень много дерьма, которое выливается толчками из выпущенных кишок и никогда не попадает на кинокамеры...

Еще минус восемь. В такой тесноте не промахнешься, да и вообще стреляю я неплохо. Пожалуй, единственное, что умею делать действительно качественно. Остальное обычно получается на редкость хреново...

Я краем глаза уловил движение на первом этаже – и едва успел уйти от копыя, брошенного снизу. Вот суки, сообразили, оказывается, под сгнившими рожами извилины еще шевелятся!

Мне ничего не оставалось, как броситься на лестницу, на-

встречу дампам, пытающимся перелезть через гору трупов. Всё, теперь не до прицельной стрельбы. Я щелкнул переводчиком огня и очередь выпустил оставшиеся патроны в морды мутантов, штурмующих лестницу. Ага, пара секунд у меня есть, перезарядить автомат успею. Шкурная часть меня коротко взвыла, когда я бросил на ступеньки пустой магазин – как же так? Святым разбрасываться! Извините, господин интендант, сидящий внутри каждого вояки, на жлобство времени нету. И потом, в процессе этого молотилова возникла у меня одна идея, которую хорошо бы реализовать до запланированной встречи с Ургом.

Еще секунда ушла на то, чтобы присоединить к автомату мою «Бритву». И три на то, чтобы длинной очередью опустошить магазин, пробив пулями в наседающей толпе неширокий и, к сожалению, неглубокий коридор...

Но для разгона вполне достаточно.

Спасибо вам, мои многочисленные инструктора, которые заставили меня изучить забытое ныне искусство штыкового боя. Вроде бы несложная наука: штыком коли, прикладом бей, пуля – дура, а пустой АКМ с примкнутой «Бритвой» – молодец. Ан нет. В толпе, где хрен развернешься, без науки сложно работать даже кулаками. А уж колюще-рубяще-дробящим автоматом и подавно.

Еще, конечно, сыграл психологический эффект. Грудью под пули лезть дураков уже не было даже среди отороженных дампов, впечатлившихся потерями в их рядах. Коро-

че, тормознули они слегка, не сообразив, что беспощадная стрельба уже кончилась, а стрелок неожиданно превратился в вентилятор со смертоносными лопастями.

Твою мать, как же это больно прорубаться сквозь вражью силу с раненым плечом! Но что делать, решил помереть красиво – помирай и не канючь, мужик ты или где? Ну вот я и помирал каждую секунду по несколько раз, с каждым махом, отдающим в руке уже ревущей болью. Организм отчаянно просил прекратить эту пытку, но я исключительно на морально-волевых заставлял его снова и снова резать, рубить, колоть «Бритвой», долбить прикладом автомата, нырять под копы и дубины и снова атаковать на опережение...

Кровь на одежде, постепенно превращающая ее из темно-багрового камуфляжа в черно-красный, тяжелый, горячий комбинезон, прилипший к телу... Кровь на руках, еле удерживающих скользкий автомат... Кровь на лице, почти мгновенно свертывающаяся на воздухе и стягивающая кожу... Кровь в глаза, которую я не успеваю утереть рукавом, – да и бесполезно это, потому что сейчас снова прилетят горячие брызги... Потому я лишь мотаю башкой как бык на бойне и все равно медленно, но верно продвигаюсь вперед... И тяжелый, сладковатый запах, бьющий в нос, забивающий горло и легкие... Кровь моя и чужая, и нет ей ни края, ни конца...

Я сперва не понял, что за новое ощущение возникло у меня в правом подреберье. Тяжесть какая-то. Я машинально

опустил глаза – и внутренне усмехнулся.

Ну вот и всё.

В меня на треть клинка вонзился раритет – полуметровый четырехгранный штык к винтовке Мосина, насаженный на деревянное древко. Тряпичный умелец постарался, соорудив себе копые на стыке древнего оружия и продвинутых современных технологий. Вот сука... В голове молниеносно пронеслось: «Штык ржавый... в печень... если от кровотечения не сдохну, то от перитонита точно... но раневой канал узкий... значит, еще время есть...»

Я рубанул «Бритвой» поперек тряпичной морды и противоходом заехал прикладом в висок копейщику. Тот попятился, правая половина его морды поползла куда-то в сторону. Но прежде, чем он выпустил древко, я успел отпрянуть назад. Штык плавно вышел из подреберья, но дискомфорт в животе не исчез, а превратился в реальную боль. Пока терпимую из-за остаточного действия морфия, но я знал, что это ненадолго...

Своим последним ударом я наверняка сместил острие штыка в ране, и теперь там, внутри меня, черт знает что. Скорее всего, ранение печени сквозное и обширное, возможно, повреждены соседние органы... Но я уже видел перед собой намеченную цель.

Теряя последние силы, я всадил «Бритву» в грудь дампа, преграждавшего путь, стряхнул с клинка разом обмякшее тело и в два прыжка преодолел расстояние, отделявшее меня

от то ли вождя, то ли шамана.

Скорее, это все же был шаман – нормальный, авторитетный вождь не метался бы между Полем Смерти и махаловкой, ища место, где можно спастись от эдакого безобразия. Кстати, то, что шаман, это даже лучше. Значит, умный, знает всё, что творится в племени, язык подвешен... И колется на инфу наверняка лучше любого вождя, у которого понты иной раз побеждают инстинкт самосохранения.

Отсоединить «Бритву» от автомата – мгновение. Бросить ставший абсолютно бесполезным АК назад, в толпу дампов – еще одна секунда. И третья, до того как ревущая волна мутантов захлестнет меня, – это бросок вперед, к шаману, застывшему в нерешительности возле своего Поля Смерти...

Если человеку надавить большим пальцем на крыло носа, он волей-неволей повернет голову. Если у вас при этом в руке зажат нож, то противник сделает это быстрее, инстинктивно убирая лицо подальше от клинка, находящегося в опасной близости от глаза. В реакции на такое воздействие дампский шаман оказался очень похож на человека. После чего я потратил еще мгновение на то, чтобы зайти за спину дампа и приставить лезвие к его горлу.

– Стоять!!!

Я не особо надеялся, что мой рев остановит толпу, но чудо произошло. Видимо, шаман, танцующий с Полем Смерти, пользовался у этой шайки большим уважением.

– Стоять! – повторил я на всякий случай.

– Фтойте, – продублировал меня слегка придушенный служитель культа.

Интересно, почему они шепелявят? Пасть подгнила или тряпки мешают нормально говорить?

– Фего тебе нуфно?

– Поговорить, – ответил я. – А еще желательно, чтобы ты отогнал своих уродов подальше.

Шаман оказался сговорчивым и понятливым. Повинуясь его жесту, толпа послушно подалась назад и застыла метрах в пяти от нас. Я даже почувствовал некоторое уважение к дампу, несмотря на то что несло от него как из выгребной ямы. Одна-единственная отмашка – и народ послушно замер по стойке смирно. Впечатляет.

– Фего ты фочешь?

– Я хочу знать, почему в отряде, который вечером шел на юг, было только шесть дампов, – произнес я в то место на вонючей башке, где положено быть уху. – И куда делся второй арбалетчик?

– Ф фепте было фемь фоиноф. Обычай свяфенен. Фоинов не мофет быть больфе или меньфе феми.

«Фепт? Или „септ“? Хрен разберешь, что он там бормочет, но все-таки вроде как „септ“. Кажется, семь по латыни – „септем“. Ну да, всё сходится. „Сентябрь“ по английски „септембер“, седьмой месяц древнеримского календаря...»

Вот так всегда. В самые заковыристые моменты моей жизни из подсознания лезет абсолютно ненужная информация.

Какая мне разница, как назывался в Италии сентябрь за полтора года до нашей эры? Особенно сейчас...

– Куда делся этот седьмой? Я видел только шестерых...

Возможно, шаман мне бы и ответил, если б в задних рядах толпы дампов не раздавался душераздирающий вопль, переходящий в предсмертный хрип.

А потом я увидел это...

В полосу света из темноты шагнул Сталк со своим страшным мечом в руках. Держал он его так же, как я совсем недавно автомат. Левая рука, окованная железом, на середине клинка. Правая обхватывает лишь верхнюю четверть длинной рукояти, лишенной гарды. Причем на конце этой рукояти болталась кровавая лилия – обрывок чьего-то пищевода, оканчивающийся лохмотьями разорванного напололам желудка. Понятно. Вспорол клинком грудь и брюшину, а потом фигурным навершием вырвал внутренности. Не необходимости ради, а лишь устрашения для.

Но дампы были неплохими бойцами, не знающими страха и мгновенно рубящими фишку, – иначе б хрен они выжили в этом мире. Спецуказаний от шамана не поступало, и они, не дожидаясь команды, бросились в бой.

Правда, их копья и шестоперы лишь отскакивали от кольчуги Сталка, усиленной бронепластинами. А меч громадного мутанта надежно прикрывал незащищенную голову. Тот вентилятор, что я недавно изображал своим автоматом, был лишь жалким подобием стального торнадо, который создал

вокруг себя Сталк.

Его двуручный меч вращался, смазываясь в воздухе, словно пропеллер вертолета. Рук гиганта тоже не было видно – так, темные контуры на фоне густого веера кровавых брызг. Толпа дампов редела с невообразимой быстротой, распадаясь на фрагменты разрубленных, изувеченных тел. Зрелище было страшным... и одновременно завораживающим. Я даже забыл про боль, наблюдая за происходящим. А по залу с кошачьей грацией продолжала перемещаться огромная машина смерти, вначале показавшаяся мне слегка придурковатым увальнем, страдающим под весом своих тяжелых лат.

Как же я ошибался!

Несколько оставшихся дампов пытались бежать, но Сталк легко настигал убегающих. Невидимое глазу движение меча – и разрубленный труп шлепался в бурую, жидкую грязь, в которую за считанные минуты успела превратиться утоптанная земля огромного зала. Последний дämp успел убежать достаточно далеко и был почти уже у самого выхода. Тогда Сталк перехватил свой меч в левую руку, нагнулся, легко поднял с земли чью-то оброненную алебарду и, широко размахнувшись, метнул.

Алебарда настигла убегающего возле самого выхода. Удар копьем пришелся точно между лопаток. Дампа швырнуло вперед с такой силой, что чуть не вынесло наружу. Помешал бетонный косяк, о который он треснулся головой. Я видел, как мутант упал и повис над полом на алебарде, воткнувшейся-

ся в утоптанную землю почти перпендикулярно. В результате страшного удара не только копье, но и топор длинномерного оружия пробили тело беглеца насквозь, выйдя наружу из развороченной груди. Иногда мои глаза снайпера позволяют мне даже в полумраке разглядеть подробности, позволяющие сделать определенные выводы.

Сталк хмыкнул, положил на плечо двуручник, повернулся и направился к нам.

– Это он... – прошептал шаман. Но договорить не успел.

Я увидел лишь, как гигант небрежно двинул плечом. А потом мне в лицо брызнула кровь из перерубленных сонных артерий, и голова шамана шлепнулась в грязь. Обезглавленное тело безвольно сползло следом...

И тут же рядом с ним рухнул я. Мир перед глазами внезапно покачнулся, и я просто не устоял на ногах.

Сталк подошел, хмыкнул снова и покачал головой.

– Зачем же ты ушел один? – сказал он. – Видишь, что получилось.

В его голосе слышалось искреннее сочувствие.

– Похоже, ты умираешь.

– Похоже, ты прав, – криво усмехнулся я, скосив глаза вниз.

Точно. На правом боку возле дырки в окровавленном камуфляже расплывалось темно-желтое пятно. Так я и думал. Порвана не только печень, но и желчный пузырь. Впрочем, это уже неважно. Одной разорванной печени хватило бы за

глаза...

Сталк с силой воткнул меч в ближайший труп, пригвоздив дамба к земле. Покачал свое страшное оружие за рукоять, убедился, что оно не упадет, после чего достал кожаный кисет, вытряхнул на широкую ладонь его содержимое и принялся неторопливо сворачивать сигару из коричневых листьев.

– Конечно, можно накрутить запас готового курева заранее, – сказал мутант. – Но всегда приятнее после боя свернуть сигару самому. Пальцы еще в полусохшей крови врагов, поэтому, вдыхая дым, ты одновременно ощущаешь и вкус, и запах победы.

Огромный ворм прикурил от своей зажигалки и с наслаждением затянулся.

– Попробуешь? – спросил он, выдохнув клуб вонючего дыма. – Ведь это и твоя победа тоже.

Я молчал.

– Понятно, – кивнул Сталк. – Вижу по глазам, что не хочешь. Ну да, с такой раной, наверно, все что хочется, так это лежать и не шевелиться. Но ты же понимаешь, это всё, чем я могу тебе помочь.

Кивнуть у меня уже сил не было, и я лишь только на мгновение прикрыл глаза.

– Хотя нет, – сказал Сталк, присаживаясь на корточки. – Пожалуй, я просто побуду с тобой. Ведь нет ничего страшнее, чем умирать в одиночестве, правда?

Возразить ему было нечего. До сегодняшнего дня я никогда не умирал, и сравнивать было не с чем.

– Пожалуй, я расскажу тебе еще одну историю, – сказал Сталк, стряхивая пепел с сигары. – Не знаю, интересно тебе оно или нет, но ведь это всяко лучше, чем молчать, изображая скорбь. Думаю, ты со мной согласишься.

Он для солидности откашлялся в кулак и начал:

– Где-то на юге есть остров, на котором живут шамы. Самих шамов мало кто встречал, но те, кто их видели, говорят, что уроды они еще те. Хуже нас, вормов. А уж вормы с виду бывают такие, что потом неделю будешь спать вздрагивая. Ну так вот. Лет эдак с тридцать назад на том острове заправляла шамья баба. Законы там издавала, распоряжалась как хотела. А у шамов какой закон? Как и у всех тут. Что плохо лежит, забрать, того, кто слабее, – сожрать. Ну так вот, к чему это я.

Попался к ним как-то в плен кремлевский дружинник. Здоровенный такой, видный хомо. Но против шамов здоровье не спасает. Они ж чужими мозгами вертят как хотят, любую картинку перед глазами нарисуют. Ну и нарисовали чего-то тому дружиннику, что он им в лапы сам дался. Повязали его, значит, и, поскольку жратвы на ужин хватало, оставили на завтрак. И спать завалились. А шамья баба-вожак на передок слаба была. Ну, и предстала перед дружинником писаной красавицей, они это хорошо умеют, мозги туманить. В общем, знатно они ночью покувыркались. Ну а поутру того

дружинника съели.

Сталк вздохнул и щелчком отправил окурок в темноту.

– Грустная история, правда? Дальше еще грустнее. Баба та понесла, прикинь? Шамамы же про то пронюхали. И про то, что у нее под сердцем не шам, а ублюдок, – тоже. У них нюх развит о-го-го, всё насквозь видят. Да и пуза не спрячешь особо. Короче, убить они решили ту бабу. Хоть шамий вожак может вертеть другими шамами как куклами, против всего общества ему не выстоять. То есть ей. Но она тоже не дура была, почуяла неладное – и убежала с острова.

Бежала долго, на север. Хотела следы запутать и из Москвы выбраться. Не получилось. Роды начались, задержаться пришлось. Родить-то родила и даже снова бежать пыталась, но почти возле МКАД настигли ее шамамы. Поймали – и казнили страшно. Всадили меч ей в то самое место, расширили значит, а потом пустили в рану стальную сколопендру. Чтоб другим их бабам неповадно было с иноплеменниками путаться. Так вот. А ребеночка шамамы не нашли. Шамиха его спрятать успела. А он едва родился, уже сильный был. Как котята слепые спасаются уползая, так он соплеменникам глаза отвел. В мамку, значит, способностями пошел – у шамов-то в вожди только самые сильные попадают...

– Сталк... на хрен мне... эти сказки? – прохрипел я.

– Это не сказки, – произнес Сталк. – Это правда. И то, что тебе сказал шаман дампов, тоже правда. У них в ловчих и дозорных септах всегда по семь воинов. Обычай у них такой,

а обычаи они страшно уважают. Да только вечером я одного дампа из септа выманил и послал навстречу хомо, который шел на север. Хомо, значит, очень хорошо экипированный был. И очень опасный, у нас слухи быстро разносятся. Ну я и решил не рисковать. Посмотрел, какое у него в голове самое заветное желание, выманил дампа-арбалетчика и показал его тому хомо. Причем так, будто тот дэмп – его жена. Как тебе комбинация? Ну а неполному септу дэмпов со стороны почудилось, что их товарищ соскочил с катушек. Дэмпов можно понять. Идет их арбалетчик рядом с хомо, разговаривает, руками машет. Ну они и пристрелили того арбалетчика на всякий случай, у них со своими разговор короткий: чуть что не так, или убивают, или скармливают своему Полю Смерти.

– Не верю... – прошептал я.

– А зря, – улыбнулся Сталк. – Смотрю, нож у тебя больно хороший. Подаришь?

И, не спрашивая разрешения, выдернул «Бритву» из ножен на моем поясе. После чего ловко подцепил кончиком ножа мешочек на моей груди, вывалившийся из-за отворота камуфляжа.

На пропитанную кровью ткань моей одежды посыпались мелкие серые камешки, которые я считал бусинами «Дочкиного ожерелья»...

Я рванулся вперед из последних сил. Главное, добраться до горла этого гада! А дальше повисну на нем, да так и подохну, как бультерьер. И хрен кто меня от него оттащит.

От моего броска Сталк ушел играючи. Отклонился в сторону – и тут меня словно рельсом в грудь долбануло. Я отлетел назад, почти к самому Полю Смерти. Ну и удар у этого мутанта!

– Т-ты...

– Я, – просто сказал Сталк, поднимаясь на ноги. – Я тот самый ребенок, которого нашли, выходили и вырастили вормы. Те самые вормы, которых презирают даже осмы, живущие на помойках. Но мне плевать на осмов и на остальное отребье, копающееся в этих развалинах. Я только очень не люблю шамов, убивших мою мать. А еще я не люблю хомо. Если бы их не было, я б родился в достойном племени Повелителей туманов и мне не пришлось бы искать их и убивать по одному.

Внезапно обрез ружья, который висел у Сталка на ремне, плюнул огнем. В потолок третьего этажа ударило многоголосое эхо, а по моим коленям хлестнула невыносимая боль. Это нанесенную холодняком рану не всегда почувствуешь. А вот дробью в упор по ногам – это действительно страшно...

– Не знаю, зачем дампы перебивают колени тем, кого отправляют в Поле смерти, – сквозь багровую пелену донесся до меня голос Сталка. – Но чужие традиции надо уважать. Сейчас Поле сытое, но скоро оно заинтересуется тобой. Ты можешь подождать его, можешь попытаться уползти. Но лучше зарежься, честное слово. На, держи. Я ж не гад какой-нибудь, чтоб живое и разумное существо оставить в

таком месте и без оружия.

Рядом со мной что-то звякнуло.

– Кстати, дампы верят, что кто-то из их далеких предков невинным прошел через черное Поле Смерти. Они называют этого легендарного персонажа «побратимом смерти» и с тех пор поклоняются черному Полю. Попробуй, может, тебе повезет. Хотя ты не очень похож на легендарного и на редкость везучего дампа. Скорее, на хомо, у которого закончилась личная удача...

Голос Сталка отдалялся. Вряд ли он пятился, продолжая молотить языком. Скорее, это я потихоньку отъезжал от кровопотери и нереальной боли в ногах.

– Да, и спасибо тебе за винтовку и твоё остальное барахло, – откуда-то издали прозвучал голос Сталка. – Ты очень хорошо все спрятал, но мысли не спрячешь от того, кто умеет их читать. Прощай, хомо. Может, когда-нибудь встретимся в Краю вечной войны.

– Прощай, сука! Я и там найду тебя, чтобы перегрызть горло!

Но тут же я понял, что вместо вопля из моих легких наружу вырвался лишь бессвязный хрип. Глупо, конечно, тратить последние силы на то, чтобы высказать гаду, что ты о нем думаешь. Но иногда сдержаться трудно. Помесь шама и человека покусилась на единственное, что было мне дорого. Походя, между делом смяла, вывернула душу, убила разом все, что в ней оставалось человеческого, – и швырнула мне

ее обратно, изуродованную, напоследок заодно прострелив ноги... Как жаль, что я умираю... Как невыразимо жаль, что люди не живут с такими ранами... А ведь здесь, на земле, у меня как раз сейчас появилось очень важное дело. Как раз такое, ради которого стоит жить дальше...

Его шаги удалялись. Я хорошо слышал тяжелую поступь Сталка – по земле любой звук разносится очень хорошо. А возможно, у умирающих просто обостряются слух и зрение. Иначе как объяснить, что я услышал справа от себя другие шаги – легкие, невесомые. И почувствовал холод, пронзивший меня насквозь и доставший до самого сердца. И увидел тень, нависшую надо мной.

– Привет, старая подруга, – прошептал я. – Думаю, не стоит представляться, ведь мы давно знакомы. Вот и выдался сегодня случай познакомиться поближе.

Она молчала, стоя надо мной. Лишь слабый ледяной ветер колыхал ее просторные одежды, похожие на крылья.

Я снова с усилием разлепил спекшиеся губы. И улыбнулся. Все живые существа почему-то панически боятся ее, считают чудовищем. А мне кажется, она глубоко несчастна. Наверно, чертовски неприятное занятие изо дня в день, из века в век навещать столь погано выглядящие куски подышающего мяса.

– Неважно я выгляжу, правда? Словно свежий кровяной бифштекс. Не побрезгуешь? Самому неловко... Но ты же знаешь, не я спланировал эту встречу. Жаль, что я ухожу с

тобой, а этот урод остается здесь. Пожалуй, это единственное, чего мне действительно жаль. Многое я бы отдал, чтобы идти рядом с тобой и при этом гнать его пинками впереди себя. Ну да ладно, чувствую, не время для сожалений. Можешь подняться? А то я, пожалуй, сам не встану...

Черные одежды колыхнулись. Мне показалось, что она наклонилась надо мной, посмотрела внимательно, как хороший доктор смотрит на пациента, вздохнула...

Мне в лицо вновь повеяло холодом – и вдруг словно пелена спала с моих глаз.

Я все еще валялся на земляном полу, а на месте зловещей фигуры слева от меня покачивался столб черного света, уходящий в темноту невидимого потолка. Многие факелы погасли. Немногие оставшиеся горели еле-еле, скудно освещая громадный зал. Но черный столб был виден преотлично, словно невероятным, немислимым образом подсвечивал сам себя. Как черный свет может светить? А бес его знает. Не могу объяснить как, но я прекрасно видел коротенькую, робкую, неуверенную ложноножку, протянувшуюся ко мне по полу. Так обожравшийся кот трогает лапой насмерть перепуганную мышь, прикидывая, что с ней делать. Придушить? А на фига? Поиграть? Лениво. Только и остается что потрогать – авось она учудит чего, развлечет. На сытое пузо развлекуха самое то, что хочется.

Я улыбнулся. Хрен ты угадало, родное. Не буду я, вереща от ужаса, ползти на руках, как тот дамп, которого давеча ки-

нули тебе на съедение.

Моя рука нащупала на земле резиновую рифленую рукоять. Так и есть. Добрый Сталк напоследок бросил мне мой нож, который я затупил безнадежно, роя могилу арбалетчику-дампу.

Я скрипнул зубами от ненависти. Замаскировать такого уроды под мою жену... Ладно. Стоп. Хватит рефлексий. Ног ты уже не чувствуешь, и огонь, разлившийся в брюхе, ничем и никогда не затушишь. Потому лучше одним ударом покончить со всем этим.

Я сосредоточился. Надо было хорошенько собраться с силами, чтобы поднять безвольные руки и воткнуть тупой «Сталкер» под левое ухо. После чего останется подождать с полминуты, пока вернется моя старая подруга, почему-то оставившая меня и решившая прогуляться...

Но тут мне стало как-то впреду резаться по методу овдовевших самурайских жен. Конечно, есть и другие методы отправить самого себя в Край вечной войны, но нехорошо оно как-то для мужика. Неправильно.

Я посмотрел на тянущуюся ко мне ложноножку, рывком перевернулся на живот, закусил губу до крови, чтобы не потерять сознание от страшного приступа режущей боли внизу, вонзил пальцы свободной руки в мокрую от крови землю – и рванулся навстречу Полю смерти, занося нож для последнего удара. Если оно живое и лапки тянет, то, может быть, я сумею достать до его сердца. Потому что не дело, когда

непонятная бесформенная тварь превращает живые существа черт-те во что...

Удара не получилось. Моя рука вместе со мной провалилась в чернильную, вязкую пустоту, напрочь лишенную звезд. Я точно знал на уровне животного подсознания – эта пустота была бесконечной, как космос, и безжалостно-равнодушной, словно океан. Бесполезно бороться против бесконечности, поглотившей тебя. Бесполезно и смешно...

Но откуда-то из глубин моей памяти, еще не успевшей раствориться в этой космической безбрежности, всплыли слова. Их произнес человек, в совершенно другой реальности носящий прозвище Японец...

«Бесполезно бороться с Пустотой. Можно лишь стать частью ее. Слиться с ней. И тогда ты поймешь, что нет ничего невозможного, ведь Пустота – это материал, из которого состоят все миры и вселенные. Правда, при этом ты постигнешь, что ничто происходящее не имеет значения в этих многочисленных вселенных. Ведь все, что происходит, это лишь часть Пустоты – вечной и незыблемой, как само время...»¹

Признаться, тогда я ни хрена не понял в этих восточных бреднях...

А сейчас вдруг ощутил на себе.

¹ О приключениях Виктора Савельева по прозвищу Японец можно прочесть в трилогии Дмитрия Силлова «Тень Якудзы», «Ученик Якудзы», «Путь Якудзы». Также Японец является героем второго плана романов «Закон Меченого» и «Закон наемника».

И понял, что нужно делать.

А вернее – не делать...

С чернотой, окружавшей меня, не нужно было бороться. Борьба порождает ответную борьбу, а бороться с пустотой как минимум глупо. Нужно было просто стать ею. Раствориться в ней каждой клеткой, каждым атомом своего тела.

Почувствовать себя бесконечностью.

Космосом.

Пустотой...

Внезапно я понял, что вокруг происходит что-то не то. Наверно, так чувствует себя микроб, которого траванули антибиотиком. Только решил, понимаешь, размножиться делением и стать частью одного большого организма, как нечто в разы более могущественное резко прерывает твою кипучую деятельность, и ты вылетаешь из своего обретенного рая вместе с мокротой.

Пространство угрожающе сжалось вокруг меня – и я действительно почувствовал, что лечу...

И лишь чудом, на рефлексах успел сгруппироваться и не приложиться мордой об землю. Перекат – и я вновь стою на ногах, сжимая в ладони рукоять ножа.

На чем стою? На ногах???

Я с опаской посмотрел вниз.

Ноги. Мои. Стоят. Целые. И дырки на камуфляже нет в районе брюха. И крови на мне нет. Ни пятнышка на одежде, ни свернувшейся бурой капли на руках. Интересно, может, я

все-таки в Краю вечной войны, и сейчас из-за колонны выйдет Ург, потирая лапки, и скажет: «Ну вот, хомо, я же говорил, что мы встретимся...»

Стоп. Бред. Вряд ли в Краю вечной войны те же декорации, которые я покинул будучи при смерти. Многочисленные трупы дампов никуда не делись. Так же чадили догорающие факелы, воткнутые в стены. И так же мерно колыхалось, играя черным светом, Поле Смерти за моей спиной...

Самая неблагодарная скотина на свете – это человек. Даже если с ним и произошло чудо, то ему немедленно нужно узнать технологию этого необыкновенного происшествия. Докопаться до истины, разобрать эту истину по винтикам, попробовать на зуб и сделать глубокомысленный вывод: «Да не, херня, чудес не бывает». Наверно, за это наших прапращуров из рая и выперли. Чисто за вредность и за неверие в чудеса...

Мне, например, тут же на ум пришло продолжение заумной лекции Японца про Пустоту. Если вкратце, то мой кореш вещал примерно следующее, ковыряя вилкой в банке с тушенкой:

«Пустота не принимает неподготовленных. Для того чтобы стать ее частью, человеку необходимо пройти пять испытаний стихиями Огня, Земли, Ветра, Воды и самой Пустоты. И лишь тогда, возможно, Пустота примет его – если он, конечно, пройдет последнее, самое трудное и страшное испытание».

Угу. Похоже, я прям с ходу вперся в суть мироздания и решил стать ее частью. Ну меня и выперли, неподготовленного, зачем-то починив между делом...

Мой взгляд упал на нож, который я все еще сжимал в руке. Вот это номер! Клинок «Сталкера» был целым и невредимым. Конечно, не «с нуля», видно, что он не на полке валялся, а работали им как нормальным боевым ножом в экстремальных условиях. Но при этом и заметно, что уход за «Сталкером» был соответствующий. На черном антибликовом покрытии – лишь несколько неглубоких царапин и едва видимые продольные потертости от кожаных ножен...

В голове мелькнула невероятная догадка. Я рванул ворот камуфляжа...

Так и есть! На моей груди висел кожаный мешочек. Одно движение ножом – и мне на ладонь посыпались мелкие серые камешки...

Я снова обернулся.

Итак, чудо получило объяснение. Черное Поле Смерти отбросило меня назад во времени. Часа на два-три, но никак не больше. Объяснение, конечно, было половинчатым. Например, почему я, в отличие от того дампа, не превратился в кистеперую рыбу? Может, потому, что мутант сопротивлялся, с испугу излучал волны панического ужаса, и Поле расценило его как жертву, а не как опасность?

Черт его знает. Я ж не яйцеголовый какой-нибудь, чтобы немедленно расположиться возле черного пятна, из которо-

го столбом поднимается неестественный свет, и начать проводить опыты. Мое дело не опыты, а выводы. Которые я для себя уже сделал. И меня они вполне устраивают, как и то, что я жив, здоров и полон надежд на замечательное будущее. Это я про то, что, когда я найду Сталка и вспорю ему брюхо, тут оно и наступит, это моё личное прекрасное далёко.

Но пока это только мечты. Потому что из оружия у меня только нож и больше ни хрена. И силы на нуле, аж ноги трясутся. Накатило как-то быстро и сразу. Понял вдруг, что идти куда-либо не смогу даже под угрозой расстрела. Оно и понятно, такие пертурбации с организмом здоровья не прибавляют.

В общем, сел я к стеночке, где кровичи было поменьше, и принялся отдыхать. А заодно просчитывать свои шансы на предмет выживания в агрессивной среде. Конечно, можно вернуться обратно в Бутырку – тут идти-то с километр. Но есть одно «но». Из тюремного замка уходил этакий увешанный оружием супермен-победитель-неподойди-всехубью-одиностанусь. А вернется кто? Правильно, лузер, потерявший всё. Нет, конечно, друзья примут, накормят и обогреют. Но это не мой выход из положения. Сам потерял – сам должен и вернуть. Такой вот упрямый я сукин сын, за что частенько и огребаю от судьбы по самые «не хочу».

Только вот вопрос – возвращать-то как? Напомню сам себе – из оружия только «Сталкер» и остался. Прямо как в компьютерной игрушке: нож в руке и здоровье почти на нуле.

Погано, однако...

Внезапно в темноте зала мне послышалось какое-то жужжание. Я непроизвольно сжал рукоять ножа, как будто в моем состоянии он мог чем-то помочь в случае нападения любого хищника этого мира, даже самого занюханного. Сжал – и вдруг, усмехнувшись, расслабился и неторопливо засунул «Сталкер» обратно в ножны.

В пятно света от догорающего факела всплыло нечто, смахивающее на небольшую летающую тарелку, отрастившую суставчатые металлические ноги. Всплыло осторожно и воровато. Ясно, что при малейшей опасности существо готово дать деру на максимально возможной скорости. И хотя я не был уверен, что это тот самый механизм, о котором я думаю – хрен знает, сколько их таких шляется по развалинам! – я на всякий случай тихонько произнес:

– Здорово, Колян.

Существо вздрогнуло, замерло, осторожно поводило мощными стальными жвалами туда-сюда... и, наконец обнаружив в глубокой тени источник звука, то есть меня, подпрыгнуло – и со всех ног чесануло ко мне.

– Хэллоу, хозяин! – заверещало оно. – Мой искать тебя, а твой не подавать сигнал! Но я найти тебя сам! Мой знать – если сильно пахнет едой, значит, хозяин близко!

Вот, значит, как. Понятно. Чудес не бывает. Упорно считающий меня своим хозяином робот обслуги, серв номер 864Col765A, которого я прозвал Коляном, искал вовсе не

меня. Просто приперся на запах свежего мяса, а сейчас машет хвостом, демонстрируя верноподданнические чувства.

– Уйди, предатель, – сказал я. – За кусок мертвечины мать родную продашь.

– Материнский плата стоит много больше, чем кусок еда, – деловито произнес робот, подходя ко мне вплотную. – Хозяин говорить флуд. Хозяин болеет?

– Выдохся хозяин, – признался я. – Отстань, животное механическое, не до тебя. Дай отдохнуть спокойно.

Однако «животное» и не подумало отстать. Вместо этого в его брюхе что-то загудело. Оттуда выехал маленький лифт, в котором стояла какая-то фиговина, похожая на распиленную надвое гильзу от тридцатимиллиметровой автоматической пушки. Эту фиговину Колян ловко подцепил гибким манипулятором и сунул мне под нос:

– Пей, хозяин.

От фиговины шел характерный запах, который никакой вояка никогда ни с чем не спутает. Но я все-таки поинтересовался на всякий случай:

– Это что? И... откуда?

– Э-э-э...

Робот замялся. Или застеснялся, или просто в его словаре обнаружился пробел.

– Дух... Личность... Вдохновение... – бормотал он, подбирая подходящее слово для перевода.

– Короче, спирт, – кивнул я. – У вас, пиндосов, и вдохно-

вание, и бухло одним и тем же словом обозначается. С этим ясно. Второй вопрос – откуда?

– Мой уже говорить, что сервы серии «Col» уметь оказывать первый помощь свой биологический охранный отряд. Это есть дезинфектор С2 Н5 ОН, который я способный синтезировать и очищать...

Дальше я слушать не стал – а то, глядишь, нафантазирую, из чего Колян «синтезировать» свой дезинфектор, а с химией у меня очень плохо. Короче, я просто взял стальную мензурку и опрокинул в себя.

Н-да, судя по вонючести примесей, «очищать» свою продукцию серв умел из рук вон плохо. Ладно, авось не сдохну.

Пока я жмурился после принятия вовнутрь дезинфектора и нюхал рукав, Колян смотался в темноту и очень быстро вернулся, довольно пощелкивая челюстями. Внутри него что-то пытело.

– Ты чего задумал, членистоногий? – подозрительно поинтересовался я. Запах от серва шел такой, что мой желудок непроизвольно свернуло в спираль.

– Держи, хозяин, – довольно произнес Колян, доставая из своего лифта смачную, хорошо прожаренную отбивную. – Твой надо много питаться. Иначе у твоя сдохнет и материнский плата, и процессор, и память...

Память у меня однажды уже подыхала, ощущение, признаться, не из приятных. Но это не значит, что я должен жрать кусок дампа, пусть даже хорошо прожаренного.

– Это не дамп, – сказал Колян. – Это хоммут из мой запас.

– Бреешь небось? – сказал я, беря отбивную и впиваясь в нее зубами. Спирт уже ударил мне в голову, и, признаться, сейчас мне было все равно, чем закусывать. В Легионе червей жрали с лягушками в рамках программы по выживанию, причем сырыми. А тут кусок постного мяса максимальной степени прожарки. Кстати, я только такое и предпочитаю: при моем образе жизни любить мясо с кровью – это уже перебор.

– А это сейчас важно? – поинтересовался серв. Я готов был поклясться, что в его голосе проскользнули вполне человечески ехидные нотки.

– По хрен, – честно ответил я. Об ужасах каннибализма хорошо рассуждать после сытного обеда, ковыряя платиновой зубочисткой в искусственных зубах стоимостью по пять тыщ баксов за единицу. А когда голоден как барракуда и выбора нет, то любое мясо – это всего лишь белок, в котором твой организм заинтересован гораздо больше, чем в изучении родословной предлагаемой жратвы.

– А чего манипулятор один? – поинтересовался я, пережевывая удивительно вкусное мясо. Хотя, когда жрать охота, любое мясо деликатес. – Второй-то куда подевал?

– Оторвали, – весьма натурально вздохнул робот. – Жестокий мир, жестокий сердца.

И тут же съехал с неприятной темы.

– Секонд? – поинтересовался вредный серв, протягивая

мне еще один кусок жареного мяса.

– Надеюсь, не секунд-хенд, – проворчал я больше для порядка. Но мясо забрал. И сожрал за милую душу. Именно сожрал, а не съел – после испытания черным Полем голод ощущался просто нереальный. Правда, со второй отбивной сведенный болезненным спазмом желудок немного отпустило.

И сразу страшно захотелось спать. Тоже нормальная реакция организма после пережитого. Но нет, спать – это попозже. Я прекрасно сознавал, что менее чем в полукилометре отсюда над развалинами возвышается мрачный комплекс комбината газеты «Правда», намного более громадный, чем полуразрушенное здание старого хлебозавода. И что, услышав взрывы и пальбу, сюда уже наверняка спешит, пробираясь через развалины, отряд замотанных в тряпки мутантов...

Но совсем без оружия я отсюда уходить не собирался.

– Сваливаем, Колян, – сказал я, поднимаясь со своего места. И, зная привычки своего серва, добавил: – Тебе пять минут затариться жратвой.

– Да что мой успеть за пять минут?.. – попробовал возбухнуть робот.

– Если не успеешь, то тебя, скорее всего, разберут на гайки. И меня вместе с тобой, – произнес я, выдергивая из стены почти потухший факел. – У тебя там дезинфектора не осталось?

Серв обиженно мигнул двумя светодиодами, но дерзить

не стал, а лишь метко выпустил из отверстия между жвал прозрачную струйку, попав прямо в факел. Огонь вспыхнул с новой силой, осветив место битвы. Понятно, что это счастье ненадолго, но, может, успею найти то, что мне нужно?

Колян демонстративно отвернулся – и, сволота такая, врубив мощный фонарь, принялся деловито разделявать ближайшего дампа. Надо же, какие у нас скрытые таланты обнаружались под незаметной бронепластиной, отъехавшей в сторону! Мог бы и подсветить хозяину. Ну да ладно, хрен с тобой, мангал ходячий, упрасивать не буду. Ты и так сегодня славно потрудился на благо феодала, то есть меня.

Понятно, что своего АК я не нашел. Это и неудивительно. Ясное дело, Сталк подобрал автомат – такими трофеями не разбрасываются ни в одном из миров. Потому пришлось ограничиться тем, что валялось под ногами в изобилии.

Более-менее нормальный арбалет я нашел почти сразу. Поскольку у большинства дампов их стрелялки болтались за спиной, оружие почти не пострадало. А глубокая борозда на прикладе не в счет, стрельбе оно не мешает. Тут же неподалеку нашелся небольшой колчан, закрытый клапаном. Парень я не брезгливый, потому без особых эмоций выпутал трофей из выпущенных кишок хозяина, нашел пару не очень сильно загаженных тряпок, обтер колчан, открыл.

Порядок. Три десятка болтов, столько же, сколько патронов в магазине АК. Средневековый аналог, так сказать. Ладно, едем дальше.

Тут же нашелся и меч в деревянных ножнах, обернутых чьей-то грубо татуированной кожей. Наверно, это особый местный шик: спустить шкуру с врага и упаковать в нее свою снаряду. Меч и ножны вообще не пострадали, в отличие от их хозяина, – помнится, именно этого дампа я завалил последним, прежде чем вплотную занялся шаманом. Меченосец в толкучке даже оружия не вытащил, наверно, опасался поранить рядом стоящих и ждал, когда вокруг станет посвободнее. Что ж, бывает. Дождался...

– Всё, Колян, закругляемся, – бросил я через плечо.

– Иду, фузьяин, – прочавкал робот, отгрызающий очередную ногу. Правда, разделать ее он не успел, но не растерялся. Закинул на плоскую спину и, придерживая манипулятором, засеменял рядом со мной. В принципе, характер у серва был отходчивый, незлобивый. Так что пусть бежит рядом, кто ж из бродяг откажется иметь свой передвижной буфет? Только вот хорошо бы найти какой-нибудь другой источник протеинового сырья, а то окровавленная нога дампа на спине Коляна все же вызывала у меня некоторый моральный протест...

Пройдя огромный друидский зал, мы наконец вышли из здания хлебозавода. Снаружи царила хмурая, беззвездная ночь. Я отбросил в сторону потухший факел, а Колян вновь врубил фонарь, расположенный над парой светодиодов, которые отчетливо напоминали мне крабьи глазки.

Не успели мы отойти ста метров от входа-портала, как серв забеспокоился. Я – тоже. В глубине здания за моей спи-

ной раздался тонкий, горестный, многоголосый вой. Не иначе дампы, зашедшие в здание с другой стороны, оплакивали своих погибших. Да уж, не поздоровится нам, если они нас догонят.

– Ходу! – выдохнул я.

И мы побежали.

Не особо это приятное дело – носиться ночью по кучам битого кирпича и бетона, рискуя сломать себе шею. Но другого выхода не было. Хоть я и не слышал позади шума погони, но был уверен, что дампы, словно гончие псы, сейчас идут по нашему следу. Нюх у них был отменный, я прекрасно помнил, как они ловко нашли нас с Ионом и Недом возле бывшего парка Дружбы...

Я уже начал уставать, когда на нашем пути попалась сначала какая-то огромная зловонная лужа, которую мы перешли по колено в грязи, а потом самый настоящий и довольно широкий ручей. Удивительно встретить такое в зараженной Москве, но, с другой стороны, если разобраться, то природа двести лет сбрасывала с себя асфальтовые оковы. Думается мне, пройдет еще сотня лет, и коли человечество не возродится вновь, как феникс из пепла, то на месте Москвы будут бежать ручьи, разливаться озера и шуметь густые леса. И никто из выживших мутантов не вспомнит, что здесь когда-то был огромный город...

– Не думать, хозяин, – осторожно дотронулся до меня серв стальной лапкой. – Пей, вода не зараженный, я проверять.

Пей и пошли дальше.

Я наклонился, зачерпнул воды в горсть, поднес к губам. Холодная... И действительно, пахнет только свежестью – и больше ничем. За многие годы проточная вода избавилась от радиации, вот только земля все еще никак не выздоровеет до конца...

Напившись и умывшись, я в сопровождении серва двинул вверх по ручью. И, пройдя с полкилометра, каким-то шестым чувством понял – оторвались... Можно отдохнуть.

Колян вроде тоже успокоился. Когда мы вылезли на берег, он ткнул фонарем в нишу меж бетонными плитами, густо поросшими мхом и заявил:

– Ты ходишь отдыхать, хозяин. Мой сторожить. Мой отдых не нужен.

– А энергии-то хватит на всю ночь? – озаботился я.

– Хватить, – успокоил меня робот. – В мой конструкции есть делать переход в экономичный режим. Если появиться враждебный объект, мой будить хозяин.

– Добро, – кивнул я.

Сопrotивляться смысла не было – я уже фактически спал на ходу. Потому без дальнейших церемоний разрядил арбалет, снял с него тетиву, чтоб не растянулась за ночь, забрался в нишу, натянул на голову матерчатый капюшон – и тут же провалился в темноту, глухую и непроглядную, словно черное Поле Смерти.

Проснулся я от того, что какое-то наглое насекомое укусило меня за щеку. Причем раз в несколько большее, чем самый злющий комар. Я рефлекторно заехал себе ладонью по физиономии, отчего окончательно пробудился.

По ладони расплывалось желто-красное пятно с прозрачными крыльями и черными ножками. Брезгливо вытерев руку о мягкий мох, я приподнялся и осторожно выглянул из своего укрытия.

По правую руку от меня над кромкой недалекого леса виднелся диск восходящего солнца, словно грязной ватой обложенный серыми тучами. А вот серва нигде не было. Странно. Все это время Колян производил очень неплохое впечатление. Я уже начал привыкать к нему, причем не как к жестянке на ножках, напичканной электроникой, а как к боевому товарищу, не раз приходившему на помощь в трудную минуту. И тут – на тебе. Можно сказать, оставил пост... Интересно, с какой такой радости?

Я выполз из своего убежища, размял ноги, прицепил за спину арбалет, перебросил через плечо перевязь с мечом. Прделав эту нехитрую зарядку, я подошел к тому месту, где робот примостился ночью, перейдя «в экономичный режим», и присмотрелся повнимательнее.

Так. На влажном от росы мху следы читались замечатель-

но. Значит, лежал Колян на брюхе в нирване, потом часа два назад вдруг подхватился и рванул, да так, что от членистых стальных ног ключья мха во все стороны полетели. Добычу, что ли, какую увидел? Но тогда бы пожрал да вернулся...

Я почесал затылок. В общем-то, мы особо ничем друг другу не обязаны. Колян приходит когда захочет, уходит когда захочет. Птица вольная, да и я не подписывался быть в ответе за тех, кто выбрал меня хозяином. Но все равно глодало меня нехорошее предчувствие. Интуиция, мать ее за нижнюю конечность. Короче, плюнул я в сердцах и потопал на север по свежим следам...

Минут пятнадцать я сбивал последние берцы о бетонные обломки и куски ржавой арматуры, торчащие прямо из земли. Закон подлости – высунется самый кончик железяки, сантиметр от силы, а остальное в земле. И будь ты хоть сам великий следопыт с берегов Онтарио, а один хрен, рано или поздно рантом за такое западло зацепишься. И как это я ночью по такому месиву бегом бежал? Фантастика да и только, причем боевая, с погонями и чудесами, которые случаются только в реальной жизни...

Не прошло и десяти минут, как руины кончились. Я перелез через последнюю баррикаду, когда-то очень давно бывшую кирпичным зданием, и оказался перед развалинами сложной трехуровневой эстакады, густо поросшими травой и мохом. В жутком нагромождении бетонных обломков и ржавой арматуры в незапамятные времена застрял боевой

робот высотой с двухэтажный дом. Видно было, что застрял не сам. Помогли. В полусгнившем корпусе био и сейчас были видны страшные сквозные дыры, сквозь которые в двух местах успели прорасти деревья. Да уж, впечатляющий памятник Последней войны. Но мне сейчас не до достопримечательностей.

Между развалин эстакады вилась узкая тропинка. Но я не большой любитель в экстремальных ситуациях путешествовать хожеными тропами, на которые нехорошие люди вроде меня имеют вредную привычку ставить мины и растяжки. Поэтому я, не ища легких путей, полез штурмовать древние руины, рискуя свернуть себе шею, навернувшись с габаритных обломков цивилизации.

Проклятый мох скользил под подошвами, съезжая по бетону. И как он на нем вырасти умудрился, зараза? Ну ладно, проехали. Вернее, прошли, при этом ничего себе ржавой арматурой не пропоров, – и на том спасибо. Сейчас я как раз добрался до вершины бетонной горы, на которую ветры нанесли изрядный слой земли. А на земле, как известно, имеет свойство расти трава, густая и высокая. Что таким, как я, всегда на руку.

Я осторожно высунул голову. За метелками травы меня точно не было видно в моем многострадальном камуфляже. Зато я все видел преотлично.

Метрах в ста пятидесяти от меня возвышалось двухэтажное здание железнодорожного вокзала, заключенное в коль-

цо периметра, построенного добротно, со знанием дела. Когда-то в незапамятные времена на привокзальную площадь стащили вагоны – пару поездов, не меньше. Потом срезали колеса и сцепку, составили получившиеся железные пеналы в огромный круг, заварили стальными листами все окна и по местам стыков вагонов тоже сваркой прошлись. Да еще небось вдобавок сделали периметр неподъемным, набив его изнутри кирпичными обломками, – вон слева башня разломанная почти до основания, небось неслучайно. И то, что это не снаряд постарался, видно сразу...

После того как неведомые строители замкнули вокруг вокзала вагонный периметр, сверху на нем оборудовали огневые точки. Ну еще дополнительно снаружи вкопали столбы и накрутили на них спираль Бруно в несколько рядов. Грамотно получилось. Кто сунется, сперва должен будет то ограждение преодолеть, пока его с крыш вагонов будут поливать огнем.

Кстати, с огнем тут было все в порядке во всех смыслах. Я разглядел, что на каждом вагоне имелись: пулемет одна штука, огнемет одна штука и два стрелка с тяжелыми станковыми арбалетами, тетива которых натягивалась при помощи ворота. Понятно. Шушеру всякую уделываем средневековыми методами и лишь при появлении реально серьезных товарищей тратим драгоценные патроны и горючую смесь.

Да, еще надо добавить, что и само здание вокзала было оборудовано по всем правилам фортификации. Окна перво-

го этажа скрывал натуральный крепостной вал, поднимавшийся до подоконников второго этажа под углом в сорок пять градусов. Похоже, для придания конструкции непробиваемой мощи весь первый этаж был также плотно забит мусором, землей, песком и обломками кирпичной башни. Подобным образом наши далекие предки вбивали в землю вертикальные столбы в два ряда, а пространство между ними забивали землей и всякой дрянью. Получалась крепостная стена. А тут и набивать ничего не надо, вот она, готовая коробочка, только засыпь ее строительным мусором до половины да спереди вал сооруди. Кстати, в этот хорошо утрамбованный вал были часто натканы заостренные колья и стальные прутья, обмотанные все той же спиралью Бруно и колючей проволокой. Штурмовать такое укрепление средневековыми методами без танков и артиллерии – дело заведомо гиблое и бесперспективное.

Но это было еще не всё.

На втором этаже вокзала окон было тринадцать – одно огромное посередине и по шесть справа и слева от него. Из тех, что поменьше, торчали двенадцать жерл старинных чугунных пушек. А из огромного полукруглого – длиннющий ствол хорошо знакомой мне восьмидесятипятимиллиметровой дивизионной пушки Д-44. Кстати, еще один штрих к моему предположению о том, что весь первый этаж превращен в монолит, – никакой пол не выдержит веса такой батареи. Надо полагать, установили ее на случай, если боевым робо-

там вновь вздумается прорвать периметр и штурмовать здание вокзала. Кстати, надо отметить, что на крыше этой двухэтажной крепости красовалась крупная надпись «Савёловский вокзал», причем прекрасно сохранившаяся. Не иначе владельцы крепости свято чтит древние памятники и периодически подновляли огромные буквы...

В общем, крепость и крепость. Где пушки, там, скорее всего, люди – если, конечно, осмы сюда не добрались. Естественная реакция человека отгородиться от агрессивного мира за крепкими стенами и рычать из укрытия на каждого, кто осмелится посягнуть на дом, который в этом мире у нашего племени одновременно и моя преле... то есть крепость.

Так, ладно, хрен с ней, с вокзальной крепостью. Особенности периметра сейчас меня интересовали больше.

Дело в том, что в крепостной стене, сваренной из вагонов, имелись два прохода, из которых высовывались морды двух армейских «шестьдесят шестых» «ГАЗонов». На кабинах грузовиков раскорячились приваренные к ним пехотные станки-треноги, на которых были установлены СГМ, модернизированные пулеметы Горюнова с бронешитами. На радиаторах «ГАЗонов», кстати, тоже имелись бронешитки с мелкими дырочками для доступа воздуха, а колеса грузовиков спереди защищали наваренные на кабину стальные листы. Лобовые стекла прикрывали сварные решетки. Надо добавить, что к этим импровизированным воротам вели узкие и извилистые проходы в ограждении, по которым двигаться

можно было только очень аккуратно, если, конечно, не хочешь напороться на какую-нибудь торчащую железяку или ободраться о колючую проволоку.

В общем, серьезно окопались, бродяги. Я уже сильно подозревал, что вышел на очередную базу маркитантов, которая впечатлила меня гораздо больше, чем даже крепость в Куркино. Ту явно строили гражданские. Здесь же чувствовалась рука профессиональных вояк, сведущих в инженерно-саперном деле и фортификации.

А еще мое внимание привлекли две надписи, крупно выведенные белой краской на стенах вагонов возле импровизированных ворот справа и слева. Лаконичные тексты гласили: «Вход для людей». И «Вход для мутантов».

«Только для белых, – невесело хмыкнул я про себя. – Интересно, через какой из входов прошел на базу Колян, который явно не человек и уж точно не мутант? Следы-то его явно туда ведут. Не иначе где-нибудь с торца периметра есть отдельный вход для механических каннибалов».

Вот так, валяясь на брюхе, я провел минут пятнадцать, изучая рекогносцировку вероятного противника и рискуя заработать простатит на холодной траве, влажной от росы. Лето-то оно лето, конечно, но явно не украинское. Знаете ли вы московскую ночь? Нет, вы не знаете московской ночи. Даже летом она промозглая, сырая, и после сна на голой земле все кости ломают. А тут еще вдобавок лежи после крайне некомфортной ночевки и жди незнамо чего. Но без разведки лезть

с самоуверенной мордой под огнеметы тоже не есть хорошо. Не зная обычаев этих привокзальных товарищей, можно за- просто вместо простатита заработать усеменение головного отростка.

Наконец, мое терпение было вознаграждено. Из-за развалин показалась небольшая группка нео. Судя по деревянным доспехам и копьям с наконечниками из арматуры, представители данного племени еще не успели приобщиться к благам цивилизации. За плечами каждого из Новых людей висел объемистый кожаный мешок на лямках.

Под пулеметами, огнеметами и стрелометами нео вели себя очень примерно. Подошли к воротам, которые «для мутантов», и поочередно сдали оружие самому мелкому из своей команды. Мелкий перевязал копья и дубины широким ремнем, не делая лишних движений, подошел к «ГАЗону» и негромко, почтительно рявкнул.

Из-за бронешитка пулемета высунулась голова в каске и противоосколочных очках, блеснувших стеклами на солнце. Поторчала с полминуты на фоне вокзала, оценивая пейзаж, после чего хозяин головы небрежно махнул рукой в сторону.

Нео послушно подошел куда указали, то есть прямо к надписи «Вход для мутантов». С вагона немедленно упала вниз веревка с крюком, и через мгновение колюще-дробящее оружие нео было затянуто наверх.

После этого я услышал, как взревел движок «ГАЗона». Тяжелый бронированный грузовик вздрогнул и медленно

подался назад, освобождая проход. Через него лохматые гости и прошли в колонну по два внутрь периметра, еле протиснувшись между усиленными стальным профилем косяками ворот и бампером грузовика. Как только в проходе исчез последний заплечный мешок нео, «ГАЗон» немедленно подался вперед, намертво закупорив проход.

Технология прохода на базу была ясна. Как и то, что мне той базы никак не миновать. Во-первых, надо было выяснить, с какой это радости мой плотоядный серв изменил хозяину и со всех шести ног ломанулся на вокзал. Чутье бывалого вояки подсказывало мне, что здесь что-то не так. Во-вторых, то же чутье выдавало схожую информацию: Сталк никак не мог пройти мимо этого периметра. Если нео перли на спинах товары для обмена – а иначе зачем бы им еще идти к маркитантам? – то и Сталку не мешало бы обменять часть трофеев на что-то более нужное. Даже для такого громилы СВД, «Калашников», ружье, меч, два боевых ножа, плащ-палатка и рюкзак, набитый припасами, груз весьма обременительный. А поскольку здесь в почете как натуральный обмен, так и драгметаллы, то, значит, и нам туда дорога.

Короче, встал я, отряхнул со штанов налипшие травинки, поправил арбалет без тетивы, висящий за плечом, соблюдая максимальную осторожность, спустился по внешней стороне эстакады и пошел к вокзалу.

Естественно, что направился я к «Входу для людей». Тропинка, которая вела к бронированной морде «ГАЗона», была не в пример уже соседней – будь со мной попутчики, идти бы пришлось гуськом.

Я насчитал семь поворотов, пока наконец не уперся в дырявый стальной щит, прикрывавший радиатор грузовика. Теперь я ясно видел, что на водительском сиденье восседает мордатый мужик, которого издали сложно было разглядеть за густой стальной сеткой, прикрывавшей лобовое стекло. Упитанную ряшку водилы украшали все те же противоосколочные очки, на круглый череп была навернута бандана, а в пасти небрежно торчал тлеющий бычок сигареты.

При моем приближении водила даже не пошевелился. Зато шевельнулся ствол пулемета на крыше кабины. Я ожидал, что над бронешитком СГМ покажется еще одна башка в каске. Ан нет. В моем случае представитель хозяев базы предпочел вести беседу в полной безопасности.

– Кто такой? – спросили из-за щитка.

Надо же! Они что, считают меня более опасным, чем целый отряд нео?

– Путник, – скромно ответил я.

– Чо?

– Путешественник, – расшифровал я.

– А какого хера тебе тут надо? – невежливо поинтересовался осторожный пулеметчик.

Хотелось мне ему ответить подробно, но я воздержался. Когда тебе прямо в лоб смотрит ствол калибра 7,62, так и тянет почему-то заменить душевные и ёмкие русские слова на хорошо отредактированный литературный текст.

– Товаров присмотреть решил, новости узнать, поесть, отдохнуть...

– Это ты по адресу, – отозвался пулеметчик. – Но только что-то я тебя здесь раньше не видел. Да и обвес у тебя дамповский, хотя по виду человек. Откуда такой обвес-то?

– Издалека иду, – так же сдержанно ответил я. – А оружие снял с убитого дампа.

– Скока на свете живу, ни разу не видел убитого дампа, – недоверчиво пробубнил мой невидимый собеседник. – А вот народу, который они завалили да сожрали, – море...

– Слышь, Скорняк, ты или пускай пассажира, или вали его на хрен, – прогудел водила из кабины, так и не выпустив изо рта бычка. – Мне твой гундеж над ухом слушать вообще без интереса.

– Ну вот, как что, так Скорняк крайний, – проворчал пулеметчик, наконец высовываясь из-за щитка. – Правила знаешь?

Я покачал головой.

– За вход пошлина, серебряный «Соболь». Свое оружие люди могут носить с собой. Но за убийство человека – висе-

лица.

– А если не человека? – поинтересовался я.

– Если на территории убьешь пришлого мутанта – пошли на три золотых «Сеятеля». Только учти, потом с родичами того мута за периметром сам разбираться будешь. Если грохнешь мутанта, который работает на нас, – десять «Сеятелей» или, если не можешь выплатить, сам попадаешь в рабство, пока долг не отработаешь.

– Понял, – кивнул я.

– Кардан, открывай, – крикнул пулеметчик.

«ГАЗон», повинувшись манипуляциям водилы с говорящей кликухой, послушно рыкнул и подался назад. Я протиснулся между косяком и бронированной мордой «ГАЗона», сделал пару шагов в сторону, чтобы рычащий полутанк, вновь загораживая собой проем, не размазал меня меж бортом и вагоном, – и остановился, уставившись в черные зрачки двух автоматов.

Стрелки стояли полукругом, вполне профессионально держа меня под прицелом. Между ними, крутя в руках безобидную деревянную палочку, торчал длинный и худой тип неприятной наружности без очков и каски, зато в полном противоосколочном костюме ФОРТ «Рейд-Л». Что меня поразило больше всего – костюм был абсолютно новым, словно только что с конвейера. Странная, наверно, тема, если смотреть со стороны: стоит мужик под автоматами и пялится на чужую защиту.

– Нравится? – хмыкнул длинный. – Бабки есть – и у тебя такой же будет. А пока дай-ка я тебя проверю, путник.

Он подошел ближе. Приблизились и автоматчики, обходя меня с двух сторон...

Зря вы, конечно, так близко подходите, ребята. При желании можно плавно уйти с линии выстрела, тощего с палочкой пинком отбросить на левого, а правого, пока он ствол переводить будет, восстанавливая линию прицела, ножом уделать за милую душу. Ну а после разобраться с остальными.

Но я сюда пришел не за этим, поэтому безропотно позволил длинному поводить палочкой вдоль моего позвоночника и груди. При этом я заметил, как белая струганая деревяшка изменила свой цвет на бледно-красный с зелеными прожилками.

Закончив шаманить, длинный удивленно хмыкнул, глядя на свою волшебную палочку.

– Первый раз такое вижу. Точно не мутант, но и не человек. А если и человек, то с таким фоном давно должен был бы сдохнуть от лучевой болезни.

– Детектор твой на растопку пора определить, командир, – посоветовал я. Осознание возможности уделать противника даже с риском для жизни всегда добавляло мне нахальства.

– Без тебя разберусь, – буркнул длинный, засовывая палочку в карман. – Плати пошину и проваливай.

Под внимательными взглядами автоматчиков я достал из чехла «Сталкер» и, осторожно подпорю нижний край ка-

муфляжа, извлек оттуда золотую монету времен Екатерины. Перед уходом из Бутырского замка я прихватил с собой несколько старинных раритетов. Как чувствовал, что пригодятся.

Глаза длинного и его пристяжи округлились, когда я передал монету хозяину волшебной палочки.

– Где взял такое? – спросил он, пробуя на зуб желтый кругляшок.

– Где взял, там больше нету, – недипломатично ответил я. И добавил: – Сдача будет?

Тощий недовольно зыркнул на меня, спрятал червонец и, покопавшись в бездонных карманах, вытащил оттуда три потертых серебряных монеты с изображением соболя.

– Не скромно ли за золотой червонец-то? – поинтересовался я.

– Нормально, – ощерился длинный. – С учетом того, что неясно, кто ты, откуда, мут или все-таки человек, – в самый раз. Так что проходи, не задерживайся. Вон там подземный переход, выходишь наверх и попадаешь в торговые ряды. Всё, базар окончен.

Автоматчики недвусмысленно качнули стволами. Намек понятен. Признаться, не люблю я таких намеков. И когда так со мной разговаривают, тоже не люблю. Но – повторяюсь – качать права не время и не место. Пока что.

Я повернулся и пошел куда сказали. С охраной говорить бесполезно, это лысому ежу понятно. Что ж, коли так, заду-

шевные беседы отложим на потом и пойдем посмотрим, чем богаты торговые ряды савеловских маркитантов.

* * *

Я спустился по лестнице и невольно прищурился. Когда-то это был обычный Т-образный подземный переход, ведущий на другую сторону привокзальной площади и к поездам метро. Наверняка до войны он был хорошо освещен. Сейчас же лишь пара маломощных лампочек, свисавших на проводах прямо с потолка, позволяли потенциальному клиенту маркитантов разглядеть в полумраке, куда поставить ногу. Выбоин в полу было предостаточно, наверно, выжившие люди многие годы сдирали с него дефицитную плитку. Стенам тоже досталось. Короче, сейчас я шел по унылой бетонной кишке, напоминавшей фрагмент внутренностей гигантского полусгнившего трупа.

Где-то на середине пути я остановился. Справа от меня из стены торчала огромная странная, уродливая конструкция. Мои глаза уже успели привыкнуть к темноте, разреженной скудным светом лампочек, и я наконец в подробностях разглядел, что это такое.

Это был железнодорожный вагон, который наверху разрезали автогенем на прямоугольные стальные листы и по частям затащили сюда. После чего закрыли этими листами все входы и выходы из метро и заварили наглухо. Людям было от

кого спастись. Однако все пошло не совсем гладко. Оттуда, из гигантских катакомб, прорытых под городом, наружу принялось ломиться нечто очень сильное, прогнувшее стальную защиту.

Чтобы защититься, людям пришлось усиливать конструкцию. В результате гнутые заслонки обросли многочисленными подпорками, сваренными из рельс, дополнительными бронелистами и сложной вязью арматуры, словно сеткой оплетающей подземные баррикады. На выходе получилось уродливое нагромождение стали, перегородившее половину перехода. Но свою функцию оно выполнило. Руконогам не удалось вырваться из-под земли. А может, это были не они?

Впрочем, сейчас у меня возникла более актуальная проблема, нежели полуразумные сколопендры, во многом похожие на людей.

Из-за стальной баррикады вышли несколько человек, окончательно перегородивших проход. В почти абсолютном мраке я видел только силуэты, но то, что это именно люди, а не мутанты, сомнений не было. Я уже успел изучить: что звери, что муты этого мира преимущественно пахнут вольером, шерстью и сырым мясом. А представители рода человеческого в условиях войны и антисанитарии традиционно воняют застарелым бомжовым потом, перегаром и металлом, нагретым в ладонях.

Их было четверо. И, судя по поведению силуэтов, настроены они были недружелюбно.

– Стой где стоишь, мужик, – буднично и скучно произнес один из них. – Выворачивай карманы и будешь жить.

После этих слов я услышал характерный щелчок – кто-то снял с предохранителя что-то огнестрельное. Очень плохо. В тоннеле под огнем четырех стволов укрыться некуда.

– Ладно, – покладисто сказал я. – Забирайте, чего уж тут.

Силуэты другого и не ждали. Видимо, процедура «обувки» одиночек, пришедших неизвестно откуда, была отработана до автоматизма.

– И молодец, – сказал тот же тип, первый слева. Небось главный – и плечи пошире, чем у других, и голос командирский. – Не бойсь, все не заберем, мы ж не звери какие-нибудь. Пару серебряных монет и меч, так и быть, оставим. Жратвы купишь, и на службу наняться можно будет.

Угу. Широкоплечий знал не только про меч, который теоретически мог рассмотреть в темноте, но и про монеты. Значит, связь с постом на КПП у бандитов имеется, причем плотная и долговременная, судя по вольготному поведению криминальных элементов. Ладно.

В лицо мне ударил луч фонаря. Я прикрыл глаза левой ладонью, одновременно неторопливо снимая с плеча арбалет.

– Глянь, он его даже не зарядил, – хмыкнул кто-то из отряда. – Спускается под землю, а тетива не натянута.

– Да кто ж знал, что у вас тут такие порядки, – просто-душно улыбнулся я, протягивая арбалет говорившему. – Забирайте, ребята, мне жизнь дороже. А к вам на службу мож-

но наняться?

Луч фонаря прошелся по мне сверху вниз. Я сделал шаг вперед, продолжая улыбаться.

– Снаряга у тебя хреновенькая, – задумчиво произнес старший. – Да и сам ты дурак дураком и не лечишься. На кой ты нам сдался?..

Его лапа легла на мой арбалет. Краем глаза я заметил, как три фигуры справа от меня опустили оружие. Это правильно, а то вдруг выстрелите и начальство случайно заденете.

– Хम्म, стреломёт дампов? Откуда такое?

Лампочка, мерно качающаяся под потолком в потоке воздуха, осветила на мгновение мясистый нос и глаза, слегка осоловелые после вчерашней попойки.

– Трофей, – ответил я. И коротко ударил растопыренной ладонью снизу вверх, метя второй фалангой большого пальца в основание носа.

Больших усилий не потребовалось – в свое время на тренировках этим ударом инструктор Легиона укладывал на обе лопатки абсолютно любого бугая, используя лишь мизинец левой руки. Секрет лишь в положении ладони и верном приложении вектора силы к болевой точке.

Голова бандита резко откинулась назад. Он не удержался на ногах и всей габаритной тушей упал на ближайшего подчиненного, который от неожиданности грохнулся на пол вместе с начальством.

Я не стал дожидаться, пока они закончат барахтаться у

меня под ногами. Качающаяся лампочка на мгновение осветила двоих бандитов, застывших в нерешительности и пытающихся понять, что это такое происходит рядом с ними. Сейчас я был в тени, и они меня практически не видели. Это хорошо, потому что в следующее мгновение они, как и любые другие непрофессионалы с оружием в руках, начнут палить во все стороны, не разбирая, где свои, а где чужие.

Ближайшему я просто долбанул носком берца чуть пониже колена. Тот ойкнул тоненько, по-девчачьи, и согнулся пополам. На пол, звякнув, упало что-то металлическое. Ясно, от боли оружие выронил. Бывает. Хороший удар в голень – это боль мгновенная и сильная, на несколько секунд отбивающая всякое желание строить из себя героя.

Крайний бандит, почуяв неладное, попытался отпрыгнуть назад, но ему не повезло. Скорее всего, он попал ногой в рывину и упал навзничь. В темноте раздался нехороший хруст. Вот черт...

Лампочка снова качнулась, и я увидел, что парень лежит у подножия громадной кучи металла, пытаюсь навести на меня автомат. Но получалось у него неважно: умирающий человек – это обычно очень плохой стрелок.

Тем не менее на всякий случай я ударом ноги выбил укороченный АК из рук автоматчика и бросился к двоим бандитам, пытающимся подняться с пола. Им это почти удалось, когда старший вдруг замер, почувствовав на своем горле острие меча. Второй бандит также превратился в соляной

столб – наверно, ему был очень дорог глаз, к которому сейчас было приставлено острие «Сталкера».

– Стойте где стоите, мужики, – буднично и скучно произнес я. – Не будете дергаться – и останетесь жить.

– Зато ты сдохнешь, – сдавленным голосом проговорил носатый предводитель подземных грабителей. – Я тебя везде найду.

– Это вряд ли, – сказал я. – Попробуй только шевельнуться, и вся база узнает, как один парень с двумя пыряловами уделал тебя и твою пристяжь, несмотря на ваши автоматы. С голодухи сдохнешь ведь или от позора застрелишься.

Носатый молчал, яростно сопя.

– И что теперь? – выдавил он наконец из себя.

– Оружие на пол, – скомандовал я. – Ко всем относится.

Оба бандита осторожно сложили к моим ногам АКМ и обрез двустволки. Я быстро сунул в ножны «Сталкер», подобрал обрез. На душе стало легче. Следом в ножны отправился меч, а «калашников» носатого – мне за плечо. На полу я подобрал пистолет Макарова третьего бандита, совсем пацана лет семнадцати. Он сидел на пятой точке, держась за ногу, и слегка поскуливал. А нечего, молодой человек, под землей с оружием на фактически безоружных путников охотиться, тогда и ноги болеть не будут.

– Сейчас боль утихнет, – сказал я. – Правда, под кожей шишка набухнет. Вскрой ножом, пусть кровь сойдет. Потом продезинфицируй и зашей. До свадьбы заживет.

– А Сивого ты зря вальнул, – сказал носатый. – Теперь тебя с базы живым не выпустят, особенно с нашими стволами.

– Выпустят, если вы рты не откроете, – ответил я, подбирая АКСу мертвеца. – А вам это никак не с руки. Несчастный случай, споткнулся парень. Башкой на арматуру упал – и привет. Бывает.

Жалко было, конечно, расставаться с оружием, но я понимал: бандитский главарь прав. Дефицитное оружие штука приметная, тем более стволы местной организованной преступной группировки. Такое с базы не вынесешь, его никто не купит, а вопросов вызовет уйму. Другое дело патроны. Вечная валюта во всех зонах локальных конфликтов во все времена...

Патронов, кстати, набралось кот наплакал. Всего десяток 5,45 с двух автоматных магазинов удалось нащелкать. При этом я отметил про себя, что «калаши» бандитов не с северо-западной базы маркитантов, где были исключительно АКМы калибра 7,62. Причем автоматы были практически новыми. Угу. Либо маркитанты недавно расконсервировали еще один склад, либо... ладно, догадки потом. Сначала надо дело закончить.

В обрезе двустволки оказался один-единственный патрон. А «Макаров» вообще оказался пустым, ржавым и дезактивированным. Так называемый ММГ, макет массово-габаритный. Все, чему в пистолете положено щелкать, щелкает, но толку от этого ноль. Только детишкам в войнушку играть.

В карманах у бандитов тоже ничего интересного не нашлось. Складные самодельные ножички, курево, спички, колода карт и фляга с вонючим самогоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.